

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ISSN 2225-0271

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 6 (123) 2018
ноябрь — декабрь

Тема номера:
**КАК НЕ ОКАЗАТЬСЯ В ПЛЕНУ
СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ?**

- Завидная жизнь Анны Литвиненко
- Честь — неистощимое богатство
- Кира Муратова: кино на все времена

КАК НЕ ОКАЗАТЬСЯ В ПЛЕНУ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ?

<i>Игумен Варлаам (Борин)</i>	
Высота Духа и высокие технологии	4
<i>Сергей Комаров</i>	
Молиться: Кому или чему?	8
<i>Николай Беседин</i>	
Мы давно городскими слышем...	9
<i>Лариса Беляева</i>	
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста	10

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

<i>Владимир Усков</i>	
Храм Божий по имени Спиридон	12
Вспоминают земляки	13

СТРАНА КРАСОК

<i>Ася Шеварова</i>	
А кони всё скажут и скажут...	16

МИР ВОКРУГ НАС

<i>Анна Литвиненко</i>	
Так мы и живем	19
<i>Татьяна Яценко-Москвина</i>	
Кинематограф Киры Муратовой	24
<i>Вадим Рутковский</i>	
Сердце Афанасия Долгова	26

ИЗ ДНЕВНИКА СЕЛЬСКОЙ МАТУШКИ

<i>Марина Захарчук</i>	
«Простите, с кем имею честь?»	29

СТРАНА СЛОВ

<i>Дмитрий Шеваров</i>	
Шел по темной улице светлый человек.	
Из писем и стихов Владимира Кудрявцева	33

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ

<i>Павел Демидов</i>	
Путь. Фрагмент автобиографического романа	37

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине lampada-press.ru

Настоятель
священник Димитрий Туркин

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (**подписка,
распространение, реклама**)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: храм Иверской иконы Божией Матери в Очакове-Матвеевском, Москва. Фото Вадима Рутковского

Адрес редакции:

125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.

Выход в свет 12.11.2018

Цена свободная

**Этот номер вышел заботами
раба Божия Александра.
Храни его Господь.**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, Московская обл.,
г. Можайск, ул. Мира, 93

Контактный телефон:

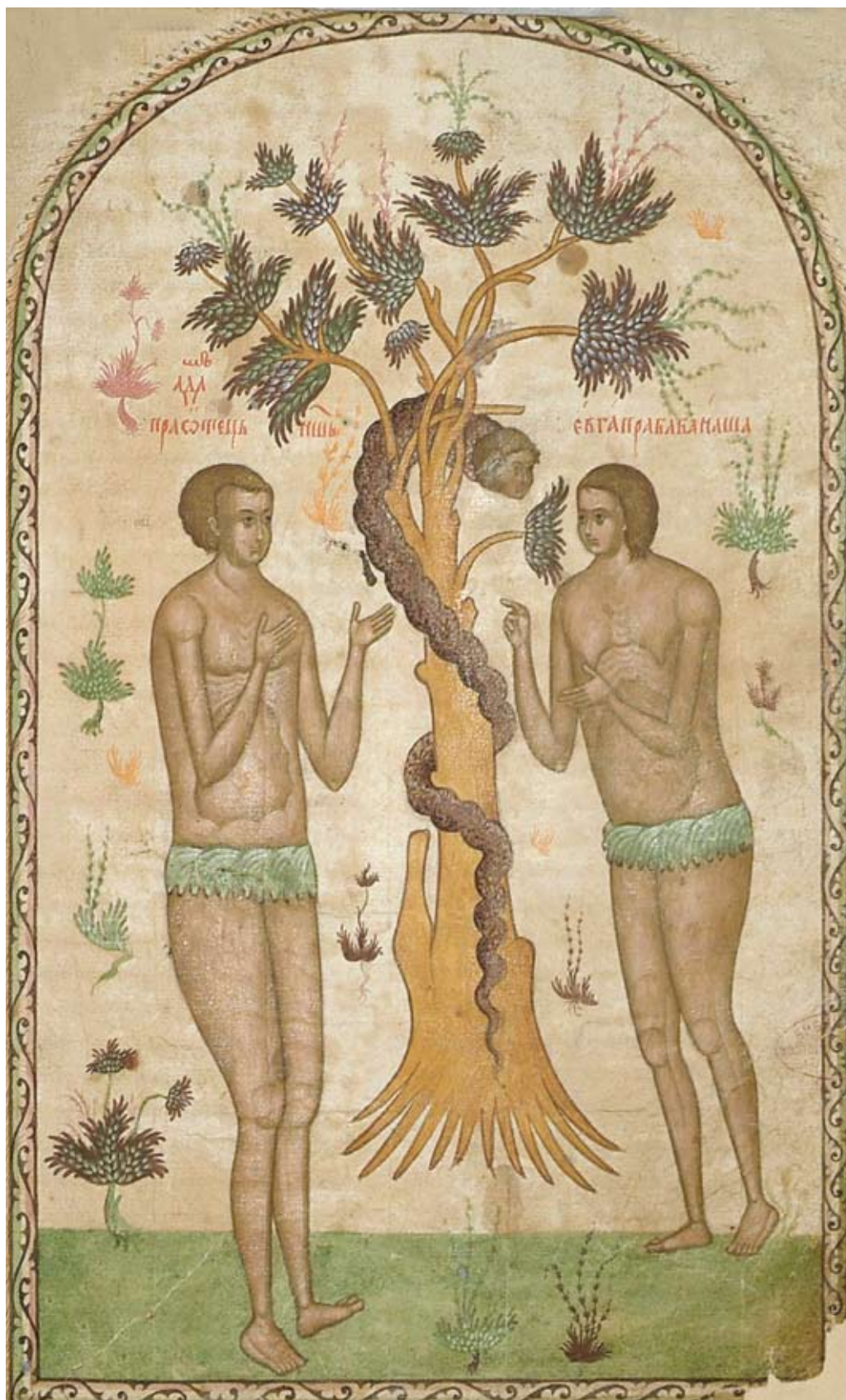
+7 (495) 745-84-28
+7 (49638) 2-06-85

Тираж 1000 экз. Заказ № 849
© Лампада, 2018

**СОЮЗ
ЖУРНАЛИСТОВ
РОССИИ**

Журнал – лауреат
премии Союза
журналистов РФ
в номинации
«За верность теме»

**Неужели вы не знаете, что,
кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы?..
Послание святого апостола Павла к Римлянам, 6:16**

Высота Духа и высокие технологии

Мужской монастырь, что в селе Ермолино, хорошо знаком читателям «Лампады». Его игумен Варлаам (Борин) – частый гость журнала. Мы с удовольствием и неоднократно печатали его Аллегории, с ним была не одна беседа. Вот и на этот раз отец Варлаам – наш собеседник.

мы представляем, что это такое – духовность? Ведь если не определить, трудно этим понятием воспользоваться. Разве не так?

– Когда я произнес эти слова, сразу же задал тот же вопрос и себе. Самое очевидное, то, что лежит на поверхности: духовность – от Святаго Духа. И исходить нужно из этой презумпции.

– Но мы с вами, насколько я понимаю, говорим не о лексикологии. Нас в данном случае интересуют более высокие сферы.

– Разумеется. Мы говорим о христианской жизни. А ее цель – стяжание Духа Святаго. Но мы почему-то постоянно об этом забываем. И мой личный опыт, и опыт пастырский подсказывают объяснение: как ни парадоксально, причина чаще всего кроется в практике религиозной жизни. Чем тщательнее мы стараемся ее исполнять, а это, как правило, касается ее внешней, ритуальной стороны, тем неблагополучнее у нас с этой самой духовностью. Хотя вспомним преподобного Серафима Саровского. Не следует пренебрегать, а напротив, надо смело пользоваться теми сторонами своего христианского поведения, которые наиболее плодотворны для стяжания даров Святаго Духа.

– То есть практика христианской жизни – своего рода средство спасения.

– А разве это не так? Кто-то милосердием, кто-то благотворением, у кого-то молитва, у кого-то аскетизм... Да мало ли этих узких врат, ведущих в Царство Небесное?! Да, они уже игольного ушка, но их – превеликое множество. Того же батюшку Серафима иные ревнители благочестия обвиняли в том, что никакой он не монах. Все время с людьми, растрчивает себя на мирян... Разве это справедливо? Уж кого-кого, а его Дух Святой не обходил. И как раз потому, что Преподобный не отворачивался от детей Божиих, а старался всячески им по-

могать. Хотя надо не забывать, что он прошел несколько этапов подвижничества. Вначале – отшельничество, затвор, а потом уж, после накопления духовного капитала, – старчество – помощь всем страждущим, сознательно или бессознательно ищущим духовного богатства человеческих *боголюбий*. Человеку современного мира, который привык иметь дело с многочисленными видами энергии, наверное, будет понятнее и ближе, если сказать, что и в нашем с вами случае происходит, по сути, обмен энергией. Человек отдает другому (или другим) один из видов привычной, знакомой нам энергии в виде личной или опосредованной помощи, а получает энергию Божественную, причем в таком объеме, что никогда не окажется в накладе.

– Да не оскудеет рука дающего?

– Именно, дорогой Пал Палыч, именно!

– Но где тот прибор или внутренний индикатор, который даст мне понять: приходит ко мне духовность или не приходит ко мне духовность? Пользуясь лексикой советских времен, это вызывает во мне чувство глубокого удовлетворения от содеянного? Но может, это элементарное самодовольство или, хуже того, прелесть?

– Полагаю, вы и без меня знаете, что подобные ощущения скорее тревожный звоночек. Самодовольство как раз мешает приходу Духа Святаго. Вы спрашиваете: где тот индикатор? Мне так и хочется вернуть этот вопрос вам: где? Попробуем определиться вместе... Мне кажется, это прежде всего ваше отношение к происходящему, к окружающим и даже к тем, кто не входит в ваше дальнейшее окружение.

– Допустим, персонаж из телепередачи.

– Допустим. Вам сообщили негативную информацию. Да еще с акцентом на самых неприглядных сторонах случившегося.

– У нас это умеют.

– Павел Павлович, можно нарушить традицию и начать мне?

– Что, белые начинают и выигрывают?

– Нет, конечно. В нашей *игре* победителей нет. Ведь мы с вами никогда не спорили, не ловили друг друга на словах, а мирно выясняли и обсуждали некоторые взгляды на те или иные вопросы бытия.

– Если обещаете мирный ход схватки, тогда придется согласиться.

– Сама тема разговора родилась неожиданно. Вот и начало запросилось иное... А тема, как вы помните, обозначилась в нашей с вами переписке. Мы с товарищем – он тоже священник, выпускник мехмата МГУ – как-то разговорились о виртуализации современной жизни. Сейчас каждый человек так или иначе сталкивается с этим явлением. Сам ли, через родственников ли, проводя ли свободное время перед телевизором. Грани между реальностью и виртуальностью все больше стираются, а люди, особенно молодежь, все глубже погружаются в виртуальные пространства и отношений других фактически уже не хотят. Иногда просто потому, что не знают их. И как заключительный аккорд в разговоре вдруг родилась фраза: виртуализации может противостоять только духовность. В этот момент у меня промелькнуло: это может быть темой номера «Лампады».

– Замечательно, отец Варлаам! Вот мы сейчас и поговорим об этом... Вот только насколько четко

— К сожалению. Как на нее реагировать? Втянуться в общую свару тотального осуждения? Переключить канал: меня это не касается и нечего впускать в себя всякий негатив? Или помолиться о безвинно погибших и о виновниках этого, чтобы Господь вразумил их заблудшие души и привел к покаянию? Наверное, третий вариант. Во всяком случае, для меня он единственно приемлемый.

— А если это неверующие люди, а среди телезрителей их как раз подавляющее большинство?

— Лично я не вижу проблемы. Что мешает атеисту начать, например, такими словами: «Господи! Если Ты есть...». Не сомневаюсь, что они будут услышаны. А веришь ты или нет — это, извините, факт твоей биографии, а не тех, о ком ты просишь.

— Очень интересный поворот мысли. И ведь не возразить.

— А помимо того, что, осуждая другого, человек разрушает тем самым и себя, он увеличивает массу зла, которого в мире и без того хватает.

— Каждый нормальный человек не может не согласиться с вами. Но почему же зло так масштабно и жизнестойко?

— Опираюсь на личный опыт. Могу сказать: энергия зла обладает такой всепроникающей силой, что противостоять ей очень и очень нелегко. Порой я чуть ли не физически ощущаю, как она входит в меня. Человек говорит нечто дурное, жесткое, недоброе, а я вибрирую.

— Как бы вступаете с ним в резонанс?

— Нет. Резонанс — это совпадение, а я с ним не совпадаю.

— Значит, противостояте ему?

— Я бы и так не сказал, хотя люди неизбежно взаимодействуют друг с другом. Характер этого взаимодействия во многом, конечно, зависит от индуцирующей стороны: от того, насколько человек убедителен, напорист, эмоционален и так далее. Но не меньше роль и так называемого реципиента — того, на кого направлена энергия партнера, важно, каково его душевное устройство, насколько он внутренне стоек.

— Тогда — конфликт?

— Не обязательно. Не надо путать стойкость с противостоянием. Стойкость — это скорее стояние, стояние в

самом себе. В отличие, допустим, от людей-флюгеров: этих, куда ни дунь...

— К какому типу людей вы относите себя?

— Мне трудно судить о самом себе. Могу сказать, какой тип мне ближе. Назову их *внутренние стоики*. Разумеется, без помощи Божией, без моего монашеского делания я бы и на йоту не приблизился к этому типу человека.

— И вот вы, внутренний стоик, сталкиваетесь с проявлением оголтелого зла. Не напрямую, не лично — опосредованно, как мы уже говорили. Как вы будете реагировать?

— Как всегда в таких случаях. Душа обливается слезами.

— А есть какая-нибудь практическая рекомендация для самого рядового, совершенно духовно не искушенного человека удержаться от погружения в трясину окружающего зла?

— Наверное, все же это очень индивидуально. Мне кажется, помогло бы переключить себя на какое-то другое занятие. Допустим, взять книгу. Здесь нужно именно такое занятие, которое потребует участия интеллекта. Если, допустим, попытаться отвлечь себя какими-то любимыми поделками, голова все равно остается свободной для всяких-разных мыслей, а сердце — для чувств. Молитва? Если говорить о верующих. Не знаю, у кого как, но у меня молитва в таком состоянии не идет.

— Чтобы выйти из состояния погружения в зло, надо прежде всего этого хотеть. Верно ли так считать?

— Да, конечно. Если желание есть, выход, я думаю, найдется. Господь подскажет.

— И неверующему?

— А разве Господь не желает спасения всем?

— Вы не обратили внимание, что мы постоянно как бы соскальзываем: от неверующих к верующим и обратно?

— Мне кажется, это даже естественно.

— Мне тоже. Неверующие мне кажутся таковыми лишь по недоразумению. Теперь, когда я встречаюсь с ними, то смотрю на них с большим недоумением и удивлением, чем когда-то, в своей безверной жизни, я смотрел на верующих.

— Представьте, я тоже порой испытываю нечто подобное. Ведь и я не родился монахом. Интересно, это только

у нас с вами такое совпадение или так бывает у многих?

— Сия тайна велика есть. Ведь и батюшка Серафим обращался с призывом «Спаси себя сам» ко всем без исключения. А уж кто как услышит, как откликнется...

— Вы очень к месту вспомнили слова Преподобного. В самом деле, спаси себя сам — а как это? С чего начать? А вот с того самого, о чем мы с вами говорим. Сделай хотя бы крохотный шагок в сторону от зла — вот и первый шагок к спасению. А второго шага, как известно, не бывает без первого. Очень важно не распределять себя по отдельным направлениям своего христианского состояния: вот, мол, сейчас я займусь воспитанием в себе смирения, а вечером буду школить по части исполнения молитвенного правила, а вот завтра начну спасаться и так далее. Христианин — это прежде всего целостная личность, та проекция образа Божия, каким его задумал Господь. Как достаточно нарушить одну заповедь и это равнозначно тому, что ты нарушил все, так и с воссозданием в себе первообраза: это комплексная, параллельная, а не последовательная работа души. Не знаю, ясно ли я изложил свою мысль.

— Вполне ясно, отец Варлаам. Но мир так полон соблазнов. Ты ему палец, а он — всю руку.

— Уж чем-чем, а соблазнами он обложил нас со всех сторон. Ты не хочешь лгать. Ты не хочешь присваивать чужое. А изнутри тебе нашептывают: «Посмотри вокруг: все врут, все воруют. Не будь дураком». И кто знает, как, когда, в чьей голове не возникнет ли мысль: «Если все вокруг поступают несправедливо, почему я должен справедливо поступать? Все обманывают, а почему я должен быть честным?».

— В том или ином человеке есть эта внутренняя стойкость. Он живет в мире соблазнов и не прогибается под ним. Не возникнет ли другая опасность — от бесстрастного отношения к нестроениям нашей жизни уйти в равнодушие?

— Такой опасности я отрицать не стану. Но и не склонен ее преувеличивать. А вообще-то в равнодушии как одном из проявлений состояния души я ничего плохого не вижу. Важно, когда, в каком случае и к чему равнодушие проявляется. Если оно заменяет мило-

сердце, добродетель, участие... Надо ли говорить, заслуживает это порицания или нет? Вспомним совет старцев, который они дают в сомнительных ситуациях: «Не хули, но и не принимай». А разве псалмопевец не предупреждает нас не прилагать сердца к богатству, которое течет к нам (см.: Пс. 61:11)? Соприкосновение с миром неизбежно. Но его не надо бояться.

– **После грехопадения изменился мир. Изменился человек, и всё вокруг изменилось. То, что завещал Господь человеку, что заповедал ему, обращено к тому человеку. Как это может адресоваться нам, сегодняшним?**

– То было ветхозаветное время и ветхозаветный человек. И вопрос о спасении тогда не стоял. Если бы человек тогда не пал, сегодня ему не нужно было бы и спасаться. Разве не для этого пришел Христос? Разве случайно Его называют Спасителем? Разве не для того Он принял крестные страдания?

– **Но Христос спасает нас, как известно, не без нас. Что можно назвать нашей лептой в дело нашего спасения?**

– Вспомним начало нашего разговора. Духовность. Я убежден: это – единственное, что может спасти человека для жизни будущего века (простите за невольную рифму). Давайте этому миру любые определения: и век высоких технологий, и век жестокости и цинизма, и век несправедливости, и – вспомним Мандельштама – век-волкодав... Но есть слова Христа (Откр. 3:20): «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною». Вот он, ключ к той заветной двери, которая ведет к спасению, иными словами – в Царство Божие. И нужно для этого только-то: впустить в себя Христа, Который стоит здесь, «при дверях», и стучит. Окружающий мир страшен тогда, когда у человека нет ничего иного.

– **Позвольте, отец Варлаам, чуть снизить градус разговора?**

– Что вы имеете в виду?

– **Можно ли говорить о роли духовности в простых, даже бытовых, ситуациях?**

– Мне кажется, не только можно, но и нужно. Именно духовность позволяет нам не замыкаться только на

земном. Не стану приводить действительно хрестоматийный пример о двух сестрах – Марфе и Марии. Обращусь к личному опыту. Случилось мне недавно посетить милых мне знакомых людей. Большая семья, достаточно благополучная. Отношения между родными и близкими вполне нормальные. И с машиной, и с жильем все в порядке. Все эти обстоятельства рожают массу бытовых хлопот, и мои знакомые, естественно, втянуты в эту круговорот. А тут еще я подвернулся. И меня тоже затянуло, и я стал даже подумывать, стоило ли вообще приезжать. И именно тогда, когда я посмотрел на ситуацию как бы со стороны и не включил в нее себя, мне открылось: а какая, собственно, разница, так или по-другому решится вопрос с транспортом или с ночевкой? Больше того: буквально через минуту звонит хозяйка, извиняется и говорит, что обстоятельства складываются только одним определенным образом. А этот «определенный образ» оказался для меня наилучшим вариантом, и всё обошлось без моего участия. Всё сразу стало на свои места. Это я к тому, что в какой-то момент очень важно обрести способность иного видения. Причастно к этому такое высокое понятие, как духовность? Пусть каждый ответит себе сам. Порой чего-то добишься, а оно не получается. Начинаешь думать: почему? То ли я приложил недостаточно усилий, то ли оно вообще не нужно. В таких случаях я полагаюсь на то, как сердце подскажет. И очень доверяюсь молитве: если настойчиво просишь, а отклика не получаешь, все ясно: нет на то воли Божией.

– **А если, допустим, есть воля Божия, можно считать, что это сродни благодати?**

– Пожалуй, да. И то и другое – нетварные энергии, исходящие от Творца. Они – как ветви, растущие от одного корня. Старец Александр из Гефсиманского скита на вопрос о распознавании правильности мысли указывал на зыграние сердца.

– **Может сегодняшний, погрязший в грехах человек испытать райское состояние?**

– Безусловно. Это происходит тогда, когда на него нисходит Божественная благодать. И тогда человек словно приподнимается над этой грешной землей. Тогда человек не участвует во

вселенском зле, не осуждает это зло, он не судит, а оплакивает грешника.

– **И надолго ли может хватить этого золотого запаса счастья?**

– Увы, ненадолго. Благодать быстро теряется, чему главным образом мы сами и способствуем. Недавно у меня исповедовался один священник. И рассказывает: «Начал я читать правило и в какой-то момент вдруг почувствовал, что появилась молитва». Вы понимаете, это и есть то особое состояние обретения благодати. И он говорит, что решил продолжать читать правило и почувствовал, что молитва ушла. Момент, когда у нас есть предстояние перед Богом, очень уязвим. Чуть что...

– **И всё надо начинать сначала.**

– И всё надо начинать сначала. Возьмите Священное Писание, Ефрем Сирин советует читать Псалтирь, есть Иисусова молитва. Если ничего не помогает, сядь в кресло, подумай, в чем дело. Воззови к Господу: «Боже, помоги мне, ничего у меня не получается...». К слову, труд этот не такой уж тяжкий. Главное, он должен быть непрерывным. И тогда Господь не забудет вас. Начнет спасать (самоспасение в том, чтобы наконец-то призвать действительного спасателя). Бывают интересные ситуации. Пришел человек поговорить, прояснить какие-то вопросы, излить душу. Внимательно слушаю его, иногда о чем-то спрошу. А он говорит, говорит... И вдруг лицо его проясняется, он облегченно восклицает: «Я всё понял! Вы мне всё правильно сказали!». Но я-то ничего ему вообще не говорил, только слушал и спрашивал. Это сошла на него Божия благодать, причем даже не через священника, а непосредственно, так сказать, прямое включение.

– **А ваша роль в таком случае какова?**

– Как у любого священника: быть открытым для другого. Если я сижу и думаю: когда же ты прекратишь эти рассказы, эти вопросы пустые, – не будет никакой встречи со Христом. Ни у меня, ни у него. В церковной жизни тоже может быть всякое – и усталость, и дурное настроение. Тогда лучше не берись в этом состоянии обращаться к Богу. Сперва приведи себя в порядок. Очень часто человеку кажется, что он пришел, принес с собой самое главное. А на деле оказывается: пришел с

пустым сердцем. Если станешь призывать его словами типа «Ты лучше на себя посмотри», толку не будет никакого. Для человека – так уж мы устроены – важнее всего он сам. Если об этом не забывать, путь к душе собеседника всегда найдется.

– Но ведь и священник – человек, для которого интересен прежде всего он сам, не так?

– О, в этом смысле священник – не человек, уточним – ветхий. А новый человек, собственно, сам человек, образ Божий, устремленный к Создателю, не отделен от ближнего, даже если он, подобно Арсению Великому, на земле бежит от людей и спасется, но в этом случае таким спасением он автоматически спасает и ближних. Он выполняет миссию – служит другим. Если такое не происходит, это трагично. И для него, и для паствы. Ибо все они безблагодатны. Человек, лишенный Божией благодати, подобен ветхозаветному Адаму. Ему предстоит добывать в поте лица своего хлеб не только насущный, но и над-сущный, без которого человек – не человек. Некоторые святые отцы в молитве «Отче наш» под хлебом насущным подразумевали исключительно хлеб над-сущный, благодать (прп. Иоанн Кассиан Римлянин), некоторые же – и земной и небесный хлеб одновременно (прп. Иоанн Дамаскин).

– А Причастие?

– Да, конечно, Святое Причастие – это наше спасение. Мощнейшее насыщение хлебом небесным, проявляющим себя в хлебе земном. Но только в случае должной меры готовности причастника – его действительной устремленности сознания к Богу, духовной, как сейчас принято говорить, интенциональности. Но было бы ошибкой думать: достаточно причаститься, а во всем остальном можно продолжать жить прежней греховной жизнью. Причастие – это не старт в Царство Небесное. Хотя для кого-то и таковым может быть, когда человек впервые почувствовал действие благодати именно после Причастия... Это, если хотите, ваша личная кульминация на пути духовного восхождения. И не однажды и навсегда, а постоянно, непрерывно, и без труда и без страдания тут не обойтись.

– В начале нашего разговора вы употребили слово *противостоять*. Честно говоря, оно меня несколько

насторожило, и сейчас, к концу беседы, хотелось бы внести ясность.

– Вам кажется, что противостояние предполагает определенную конфронтацию?

– В общем, да. Если происходят процессы глобального характера, а наступление высоких технологий как раз из их числа, не будет ли это борьбой даже не с ветряными мельницами... а бумажным копьем против мельниц атомных?

– Для начала, я, как и вы, не поклонник конфронтаций, какую бы форму они ни принимали.

– Уже хорошо.

– Но самое главное: противостояние – я в этом убежден – не находится в причинно-следственной связи с конфронтацией. То есть можно противостоять, но не находиться при этом в состоянии конфронтации, или конфликта.

– Откровенно говоря, я это плохо себе представляю.

– Мы говорили об агрессивном внедрении высоких технологий в нашу жизнь. И нас заботило, как можно противостоять их отрицательному воздействию (о плюсах я не говорю: они очевидны и сопротивляться им как минимум смешно, верно?). И, мне кажется, мы пришли к согласию: противодействовать злу человек должен прежде всего изнутри самого себя...

– Простите, я вас перебыю. Изнутри самого себя – это как? Вопрос задал я, но мне хочется, чтобы ответ получили читатели.

– Не беру на себя смелость давать универсальные рекомендации, да и вряд ли таковые существуют. Приведу пример, который, как мне кажется, сегодня будет понятен каждому. Мир, в котором мы живем, жесток и неподатлив. Далеко не каждый чувствует себя в нем уютно. Но вот перед вами виртуальный мир, сосредоточенный на мониторе компьютера, или на дисплее планшета, или на экране смартфона. И он не просто перед вами, а у вас в руках: достаточно одного клика – и вы меняете его по своему усмотрению, повелеваете им, разрушаете или создаете новый. Для детей это увлекательно, но когда взрослые отдают время своей реальной жизни обитанию в мире несуществующем, это не просто достойно сожаления. Это богопротивно, ибо не для того Творец создавал этот мир и нас в нем.

– Но ведь можно сказать, что эти люди развивают свою фантазию и в конечном счете интеллект.

– Ничего они не развивают, Павел Павлович. Ничего, кроме собственных химер и пустых упований. Любая фантазия ценна тогда, когда она может соприкоснуться с реальностью. У замечательного писателя, философа и фантаста Рэя Брэдбери в «Марсианских хрониках» есть такие слова: «Если действительность недоступна, то чем плоха мечта?». Это высказывание вроде бы можно привести в защиту поклонников идеи виртуального бытия (парадокс, не правда ли?). Но вспомним еще раз, о чем мы сегодня уже говорили. Человек должен получать и должен отдавать. То есть назначение человека быть ретранслятором. Если уйти в пространство интернета, попадая в поток бесконечной информации, безумных новостей, захватывающих игр, где ты можешь никогда не ощущать себя побежденным, в человеке начинают быть задействованы другие составляющие его существа – страсти. Они питаются, требуют большего, и... выбраться из этой зоны становится невозможно. Тут еще можно привести математическую аналогию. Наше обыденное мировосприятие (но не сам материальный мир) есть первая производная от мировосприятия духовного. Виртуальность – производная вторая. Вместо выхода к первообразной и соответствия первообразу человека (образу Божию) виртуальность манит нас ко второй производной, то есть в противоположную сторону.

– Но порой это так соблазнительно!.. Почувствовать себя властелином колец...

– Самообман! Соблазн велик, не спорю. Но только до того момента, когда натолкнется на вашу внутреннюю крепость. А это возможно только тогда, когда душа человека осенена Духом Святым. Или когда на него сходит Божия благодать, что в принципе одно и то же. Вот, собственно, весь расклад.

– Я искренне благодарю вас, дорогой отец Варлаам, за такое доступное не только пониманию, но и исполнению завершение нашей беседы.

– Непреходящей Божией благодати вам и вашим близким.

*С игуменом Варлаамом
беседовал Павел Демидов*

Молиться: Кому или чему?

Современный мир постоянно ставит нас перед выбором

Сегодня об этом забыли. У любого священника и монаха, не говоря уже о мирянах, теперь есть мобильный телефон. Мы не представляем свою жизнь без гаджетов. Мы поняли, что диавол гнездится не в ноутбуках, а в нашем сердце и духовную брань нужно вести не с «железками», а с самим собой.

Тема вроде бы прошла, мы живем дальше, однако вопрос о влиянии компьютерных технологий и интернета на душу все же остается открытым. Мы ощущаем, что благодаря подобным изобретениям наша жизнь сильно изменилась – и о качестве этого изменения стоит говорить.

* * *

С одной стороны, айфоны, смартфоны, планшеты и ноутбуки – не более чем мишура, побрякушки. Под толстым или тонким слоем такой мишуры мы все равно увидим человека – такого же, как и тысячу лет назад. И у него есть точно такая же, как и у древних людей, душа, которая болит и ищет Бога. Компьютерные игрушки вряд ли смогут увести потомков Адама от этого вечного поиска.

Если кто-то и погружен чрезмерно в мир гаджетов, Бог найдет средства привести его в себя. Рано или поздно начнутся болячки, семейные проблемы, подойдет старость. Бог поможет человеку очнуться, будет пытаться до него достучаться, пусть даже и скорбями.

Прошли те времена, когда в церковной среде демонизировали новейшие технологии. Те, кто воцерковлялись или уже были воцерковлены в 90-х годах, наверняка помнят всякие страшилки о мобилках и компьютерах, распространявшиеся в православных кругах. Я и сам до сих пор нахожу подобные листовки и брошюры в залежах книг, купленных мною в то время.

Богу жалко бедного грешника, и Он ищет пути к его душе постоянно, и неважно, айтишник он или монтер, сидит он в интернете или нет. В жизни любого человека, даже самого грешного и безбожного, всегда есть периоды, когда Бог становится рядом с ним и прикасается к его сердцу.

Бог способен дать любому человеку почувствовать, что ему Кто-то помогает, Кто-то его хранит и оберегает, Кто-то его зовет. А может быть, человек ощутит, что ему перед Кем-то стыдно – хотя и непонятно, перед Кем («ведь я же неверующий»). В такие минуты и делается выбор – ты откликнешься на этот зов или игнорируешь его. С айфоном ты в этот момент или без него, не имеет значения. Душа есть у всех, и она тоскует о Господе.

* * *

Стоит заметить, что Церковь учитывает современные изобретения в своей миссионерской работе. Создаются всякие интересные приложения для смартфонов вроде Толковой Библии и Молитвослова, записываются аудиоверсии молитв. Оказывается, все эти технологии могут помочь верующему в его духовной работе.

Разве это плохо, если у тебя в кармане целая святоотеческая библиотека – и в виде текстов, и в аудиоформате? Разве плохо, если лекции всемирно известных богословов и проповеди лучших проповедников становятся доступными нажатием нескольких кнопок?

«...Любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28). В том числе и вся эта современная продукция. В конечном счете всё зависит от человека: как он этим будет пользоваться.

* * *

Но в этой теме есть и другая сторона. Никогда еще люди не были так зависимы от вещи (имеется в виду тот или иной носитель электронной ин-

формации). Потеря гаджета сегодня может стать настоящей катастрофой. Ты можешь лишиться всех кодов, паролей, банковских счетов, доступа к соцсетям, контактов, личной переписки, фото-аудио-видео архива. Смартфоны и планшеты заменили нам книги, газеты, телевидение, почту. Мы зависимы, а зависимость – знак слабости.

Отдельный вопрос – о времени, которое якобы освобождается благодаря современным технологиям. Здесь есть некий парадокс, обман: технологии освобождают время, чтобы его пожить.

Достал телефон, чтобы посмотреть, кто звонил, – «ушел» на полчаса. Открыл вечером браузер, чтобы бегло ознакомиться с новостями, – очнулся далеко за полночь. Иллюзорный мир интернета манит, развлекает, затягивает, крадет драгоценные минуты и часы. И мало кто из нас способен противостоять такому соблазну.

Да, диавол всегда использовал разные средства, чтобы оземлить человека, заставить его жить в суете и попустому тратить отмеренные ему дни. Но нужно признаться, что сегодня лукавый получил новые средства для достижения своих целей.

* * *

Так от Бога ли современные технологии или от диавола? Думаю, что все-таки мы имеем дело с даром Божиим. Все эти вещи придумал человек, получивший дар творчества от Господа. Они способны помочь ему в его духовном образовании и действительно могут во многом облегчить его жизнь. Весь вопрос в том, как мы используем новейшие изобретения, – во зло или в добро.

Но в то же время мне кажется, что, если кто-то имеет возможность обходиться без этих игрушек или свести до минимума их использование, это будет хорошо. Такой человек не проиграет.

В его жизни будет больше тишины, досуга – больше человечности.

Интересно, что знаменитый фантаст Рэй Брэдбери, предсказавший многие современные технологии задолго до их появления, сам избегал пользоваться ими. До конца жизни (2006 год) он печатал свои шедевры на печатной машинке, не прибегал к помощи компьютера и считал айфон бесполезным изобретением.

Конечно, мы уже не сможем так жить. Однако стоит обратить внимание на интуицию гениального писателя. Вряд ли это что-то «старческое». Видимо, великий американец чувствовал, что подобные штуки не пойдут ему на пользу.

«Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6:12), – говорил апостол Павел. Наверное, в этом-то всё и дело: мы обладаемы или мы обладаем?

* * *

Нынешнее засилье мира бездушных вещей в нашей жизни не может не беспокоить. А если присутствует чувство порабощения, наверно, проблема есть и ее необходимо решать. Только где она решается – в моем сердце или в наличии-отсутствии электронного устройства в моей квартире?

Наверное, правилен все-таки первый вариант. А если так – мы приходим к той же самой внутренней борь-

бе, о которой христианские подвижники пишут уже почти две тысячи лет. И только эта борьба способна подарить мне подлинную свободу – ту свободу, которую должен искать всякий верующий в Бога человек.

И если такая свобода обретена, вопрос ноутбуков и айфонов просто снимается. Ибо «ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8:38–39).

Айфоны не отлучат нас от Господа – если только мы по-настоящему любим Его...

Мы давно городскими слывем,
Но деревня, откуда я родом,
То напечет своим говорком,
То крестьянским укладом особым.
То весенней мольбою полей
Позовет среди ночи несмело...
Сколько нас, деревенских детей,
В городах и столицах осело?
Мы порой сторонимся родства
С избяной, бездорожной, забитой,

С той Россией, что чудом жива,
С той, что нами и Богом забыта.
...Я уеду из дома в метель
В ту затерянную, родную
Деревеньку, где старая ель
Стережет пятистенку пустую.
По сугробам следы торопя,
Постучусь в крайний дом у дороги,
Но уже не признает меня
Дед Кузьма. Повстречав на пороге,

Я скажу, что когда-то здесь жил
И здесь родина нашего рода,
Что к нему на засеку ходил
За пахучим, за липовым медом,
Что весной насовсем я вернусь,
Стану сеять, косить возами...
И увижу я скорбную грусть
У него глубоко за глазами.

Николай Беседин

Скажите, пожалуйста...

 <i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i>	<i>Татьяна Павловна Лучинина, юрист</i>	<i>Александр Чулков, предприниматель</i>	<i>Ольга Кирьянова, аспирантка-культуролог</i>
			
Пользуетесь ли вы компьютером и другими достижениями технического прогресса? Чем именно? Насколько активно?	Пользуюсь компьютером, и достаточно часто, в работе. Больше он не нужен. Также смартфоном, поскольку Вайбер – очень быстрое средство связи.	Компьютер где-то году в 2012-м купил. Мобильный телефон – примерно с середины нулевых. Телефоном пользуюсь ежедневно, компом часто, но по-разному.	Пользуюсь постоянно. Без этого сегодня невозможно заниматься наукой.
Если бы сегодня исчезли все гаджеты, смартфоны и прочее, вы бы пожалели об этом?	Я бы, скорее всего, не пожалела. Единственное что – компьютер – это очень важно, но только в силу производственной, а не жизненной необходимости. Всё остальное – это от лукавого.	Не уверен. Разве что сначала, ну как вообще всякая привычка.	Современные технологии полезны, особенно в медицине. Есть операции, которые без компьютера выполнить невозможно, например, коронарное шунтирование аорты.
Как вы считаете: современные технологии делают человека более свободным или, напротив, подчиняют себе?	Современные технологии делают человека более свободным, и они же подчиняют его. Мы забываем о последствиях, которые связаны с их использованием, что это палка о двух концах.	По-разному. Но дети, подростки – возможно, и большинство закабалется. И со мной, правда, бывает. Порой сам не знаю, зачем сижу.	Зависит от человека.
На что вы тратите время, которое освобождается благодаря современным технологиям?	На себя любимую. Очень хочется пообщаться с семьей, со своей внучкой. Это для меня самое важное в жизни.	Мне сложно абсолютно точно понять, сколько моего времени они освобождают. Но в ряде случаев – да. Бывает, что время на досуг экономится как раз благодаря интернету.	На чтение литературы и прослушивание аудиокниг.
Как вы относитесь к тому, что современные технологии внедряются в церковную жизнь?	Я полагаю, что это неправильно. Церковь – это же чисто духовное. Как современная технология может быть связана с духовностью? Для меня это абсолютно несовместимо.	Смотря какие и как именно. Любая религия, которая хочет жить в большом городе и среди большинства людей вообще, неизбежно будет сама внедряться в поле этих технологий.	В жизни прихожан особого вторжения не наблюдаю. Если люди пользуются гаджетами, чтобы следить за службой, что в этом плохого? А работу церковных учреждений это очень облегчает.
Верно ли, что верующему человеку легче устоять перед напором современных технологий?	Я не думаю, что легче, поскольку если уж современные технологии используются самими служителями церкви, то как может верующий человек легче отойти от этого?	Должно быть так хотя бы отчасти. Но допустим, именно верующий начинает много есть и набирает лишний вес, подобным же образом, вероятно, бывает и с технологиями.	Напирают ли технологии на нашу веру? Не думаю. Устоять перед грехом христианин призван вне зависимости от того, каким способом этот грех ему предлагается.

<i>Виталий Бушуев, фельдшер скорой медицинской помощи психиатрической службы</i>	<i>Татьяна Гавриловна Петрова-Латышева, художник-дизайнер, член Союза художников Флоренции</i>	<i>Федор Белов, студент</i>	<i>Наталья Сергеевна, пенсионерка</i>
			
Пользуюсь планшетом много раз в день.	Пользуюсь интернетом, смартфоном. Активно пользуюсь.	Пользуюсь компьютером, активно пользуюсь смартфоном.	Пользуюсь мобильным телефоном и интернетом достаточно часто.
Полагаю, имеется в виду интернет. Да, пожалел бы, так как появились бы затруднения как в профессиональной деятельности, так и в бытовой жизни.	Если бы исчезли, то пожалела бы.	Сами гаджеты не играют особой роли. Все дело в интернете. Не было бы интернета – не нужны бы были и гаджеты.	Пожалела бы, поскольку было бы труднее часто общаться с друзьями, дочкой и ее семьей, которая живет за тысячи километров.
И то и другое. Обеспечивают свободный доступ к нужной информации, экстренную связь, но и делают человека более зависимым. Это неизбежно в современной жизни.	Считаю, что свободным. Впрочем, все зависит от человека.	Я считаю, что современные технологии делают человека более свободным.	Здесь всё зависит от самого человека, насколько он разумно использует эти вещи. А зависимость может развиваться от чего угодно, даже можно «подсесть» на лимонад.
Свободное время на работе отсутствует. Если же бригаду возвращают на подстанцию, то можно перекусить и помолиться (у меня на работе лучше получается молиться).	На творчество.	Мое время не освобождается благодаря им, я бы сказал, даже наоборот.	На творчество, на общение с близкими мне по интересам и устремлениям людьми, ну и, конечно, на общение с семьей.
Это меня удивляет, как и многое другое, и вокруг, и в церковной жизни. Полагаю, что изменения в Церкви происходят по благословению патриарха, а стало быть, это не моего ума дело.	Если во благо, то положительно.	Я считаю это нормальным и уместным явлением.	Двойко. Если они, например, облегчают общение, то это полезно, а если человек не идет в храм, потому что торчит в интернете, то это уже от лукавого.
Человек не должен ограничивать жизнь интернетом. Это приводит к психическому расстройству и распаду личности. Православный должен оставаться многообразным.	Перед отрицательными плодами современных технологий – да, легче.	Не считаю нужным пытаться устоять перед ними, ведь в этом нет смысла. Они созданы, чтобы сделать нашу жизнь комфортнее.	Да, поскольку у верующего человека есть внутренний стержень, умение различать добро и зло и делать свой осознанный выбор между ними.

Храм Божий по имени Спиридон

В старину их называли кали́ки перехо́жие – бездомных, по большей части увечных странников, живущих на подаяние и кто чем мог старающихся отплатить за человеческую доброту. В начале прошлого века одного из таких Божьих людей можно было встретить в разных концах Поволжья, а то и в центре России. И был он к тому же абсолютно слеп.

В начале 1900 года в самом центре России, в одной из многочисленных на то время деревень, название которой восстановить теперь не представляется возможным, в Лукояновском уезде Нижегородской губернии, в семье бедного крестьянина Якова Поздьева и его жены Марии появился на свет сын, которого нарекли старинным православным именем Спиридон. Мальчик родился слепым – сплошная белая пелена полностью закрывала глазные впадины, словно на лице и не предусматривались органы зрения. На старинной фотографии старца, хоть она и несовершенно качества, это видно достаточно отчетливо. Это выглядело не только странно, но и, согласитесь, жутковато. Но если бы только этим ограничивались беды малыша! У него оказалось тяжелое врожденное заболевание нервной системы: были парализованы отдельные части тела, из-за чего мышцы и кости развивались неравномерно. С возрастом это привело к искривлению позвоночника, стало очень трудно ходить, периодически возникали сильные боли во всем теле. Лечение? Помилуйте, начало XX века, срединная, глубоко провинциальная Россия – какое лечение?!

Автор публикации В.А. Усков
у поклонного креста

Известно: Господь посещает скорбящих. О семье Поздьевых можно сказать, что Он ее не забывал. Вскоре после рождения мальчика умирает его мать. Спиридона растит и воспитывает только отец, а к шестнадцати годам юноша вовсе остается круглым сиротой.

В то время набожность, особенно в крестьянской среде, была естественна и церковная жизнь составляла органическую часть всего бытования. С самого раннего детства Спиридон посещал храм, прилежно молился, с охотой выстаивал службы. Вскоре выяснилось, что у него феноменальная память, хороший слух и прекрасный голос. На него обратили внимание церковнослужители и священники местных храмов в округе. Его стали приглашать петь в церкви, на клиросе. Он знал наизусть порядок проведения всех служб и треб, помнил церковные уставы, многие молитвы и песнопения.

Если бы музыкально одаренный юноша потерял зрение прожив перед этим какое-то время как все, возможно, он и остался бы при каком-нибудь храме коротать свой век. В этом случае ему было бы с чем сравнить свою нынешнюю жизнь, и кто знает, не напугал бы его этот новый, внезапно закрывшийся перед ним мир. Но Спиридон, как мы знаем, был слеп от рождения, никакого иного мира, кроме мира запахов, звуков и в лучшем случае мира наощупь, он не знал. Он привык к нему, научился в нем жить, а вера в Бога что у зрячего, что у слепого – одна. И потому, когда жизнь свела его с такими же, как он, увечными топтунами, он легко примкнул к ним, влившись в ватагу каликов перехожих.

По словам самого Спиридона, за пять-шесть лет он исходил с этой ватагой почти всё Поволжье и центральную часть России. Многочему научился от своих товарищей, многое перенял от них за эти годы, молясь и паломничая по Руси-матушке.

...В нескольких километрах от места, где Дерябова гора переходит в Дерябов дол, обуютилось старинное село Владимировка. Что говорить, красивейшее, живописное место не только для родного Лукояновского района, не только для Нижегородской области, но, пожалуй, для

всей глубинной России. Тут тебе и речка Кочкоёмка с ее коварными омутами, и родники с чистой, прохладной, прямо-таки хрустальной водой, и садов немеренно... А поля! – аккуратные, вспаханные, засеянные. А какие люди живут испокон века во Владимировке!.. Прекрасные, добрые труженики, чистые сердцем и помыслами. Православные христиане.

Есть в селе и особо приметное место. Особо почитаемое. Особо посещаемое. Там, где в 30-е годы XX века большевики сровняли с землей стоявшую сто с лишним лет церковь, теперь установлен поклонный крест. А неподалеку, на местном кладбище, среди множества захоронений обращает на себя внимание своей ухоженностью могила, на которой не увядают живые цветы. Здесь в 1978 году обрел свой последний земной приют ровесник века Божий человек Спиридон Яковлевич Поздьяев, или, как его чаще называли, старец Спиридон.

Почти совпало: советская власть уничтожила во Владимировке церковь, а калик перехожий Спиридон едва ли не в это же время решил осесть в селе. Вот когда поистине бесценным оказалось его скрупулезное знание тонкостей церковной службы и треб. Он фактически заменил собой священнослужителей, которых к тому времени не осталось в селе и во всей округе (часть была расстреляна, часть сослана в лагеря, откуда они уже, как правило, не возвращались). Больше того, он, можно сказать, заменил собой уничтоженный храм: ходил по дворам, отвечал, крестил, служил... Особенно оказался востребован в войну: похоронки-то летели с фронта черными птицами.

За свой труд денег не брал, довольствовался тем, что Господь пошлет, чтобы не помереть с голода. Сидел с малыми детьми в крестьянских семьях, пока родители батрачат в поле.

Предвижу вопрос: как же ему это удавалось? Слепой, кривой, однако с работой по дому справлялся отменно.

И дети любили его. Думаю, ни фокуса, ни секрета особого тут нет: всё в руке Божией. Вместо очей Господь открыл ему внутреннее зрение, да такое, что иным глазастым за ним не угнаться. А немощи? Что ж... зато дух крепок.

До последних дней не оставлял убогий старец Спиридон служения

Господу и людям. Потому-то и не вянут живые цветы на его могилке. Не успевают. К нему и сейчас приходят знакомые и незнакомые. Подсядут поближе, склонятся к холмику и начнут поверять свои беды и радости. Верят ему. А вера – это что? Вера – это главное в жизни.

Вспоминают земляки

**Старейшая уроженка с. Владимировка
Александра Сергеевна Ускова:**

Когда началась война в 1941 году, в нашем селе не было уже ни церкви, ни священников, почти всех мужчин отправили на фронт, остались одни женщины, дети, старики и инвалиды. Все абсолютно (кроме малолетних детей) не покладая рук работали в колхозе, что называется, от зари до зари, нагрузки были очень большие,

почти всё делалось горбом, техники никакой. Единственной отдушиной и отрадой женщинам в те годы были богослужения, на которые они все приходили. За священника служил Спиридон Поздеев – слепой, тяжело больной инвалид с детства, знавший абсолютно все церковные молитвы, песнопения, службы и требы различные.

Церковную утварь и иконы богоборцы повыбрасывали тогда на улицу. Женщины украдкой их подбирали и хранили у себя дома, в избах. Одна из женщин спрятала в своем доме икону «Знамение». После того как уничтожили церковь, собирались на богослужения у Спиридона зимой – в каком-нибудь сельском доме, а летом – как правило, на родниках или на берегу Кочкоёмки, стараясь, чтобы было поближе

к порушенной церкви, или на кладбищах сельских.

Спиридон сам прекрасно пел и подбирал очень хороший хор, человек десять. И в праздничные дни – на Рождество, Пасху, Троицу, Николу, Ильин день, Покров и другие – они так душевно и красиво пели, что не во всяком храме услышишь. Я тогда еще подростком была, всё

с мамой ходила на эти службы. Помню, как всякий раз выносились та самая икона «Знамение», зажигалась большая лампада, которую женщины сберегли и хранили у себя дома. Эти службы я помню до сих пор, так они запали в душу. Молились о нашем воинстве, о даровании победы над врагом в войне, о здравии своих солдатиков, ушедших на фронт.

Спиридон не имел никакого церковного сана и, строго говоря, не имел права отправлять службы. Но какое это было время? Священников не осталось ни одного, церковь разрушена – что же, значит, и Бога забыть по этой причине? Разве не этого как раз и добивались большевики? Вот и взял на себя наш убогий Спиридон это трудное послушание. Кого отпоет по похоронке, кого «лично» – которые померли своей смертью в деревне. Интересно, что по похоронке отпевал не сразу, говорил: надо подождать, а вдруг ошибка вышла?

Хорошо помню, что случилось на Пасху в 1942 году. Спиридон закончил службу под утро, вечером появились из района какой-то начальник и с ним два сотрудника НКВД в форме. Спиридон был у нас в доме. Моя мама, Ломтева Анна Сергеевна, узнала от соседей, что приехавшие ищут Спиридона и хотят его забрать. Мама замкнула изнутри дом на запирку и крючок. Один негодай в селе всё же нашёлся: стукнул им. Так вот, эти подошли к нашему дому, долго стучались и, когда им никто не открыл, сломали топорами запирку и отогнули крючок. Вошли и забрали Спиридона прямо из дома, полураздетого, увезли его в центр Лукоянов. Перед уходом обыскали весь дом, но ничего не нашли, ведь у Спиридона ничего не было, кроме посоха и сумы, а всё, что он знал, было у него в голове. Мы были в ужасе от этих гостей. По Божией милости всё обошлось, через несколько дней Спиридонущку отпустили и он вернулся в село.

Молитвенник Спиридон не был ни лекарем, ни знахарем или целителем, у него было чистое сердце и светлая вера в Господа нашего Иисуса Христа, он неустанно молился о нуждающихся, что обращались к нему с разными просьбами, и, видимо, его молитвы доходили до Бога. Люди верили: если Спиридон помолится, Господь непременно поможет.

Вот какой случай произошел с моей мамой. На полевых работах, в конце войны, она проколола какой-то железкой руку. Дел было много, за помощью она никуда не обращалась. Через несколько дней вся ее левая рука сильно опухла, появился большой нарыв. Рука горела как в огне, видимо, началось сильное заражение. В районной больнице сказали: только ампутация!

Вернулась домой вся в слезах, а тут Спиридон пришел к ней, выслушал и стал утешать: «Не плачь, Анна, сегодня я буду читать молитвы о твоём здравии». И что вы думаете! Всю ночь мама мучилась, не могла заснуть от сильной боли, а под утро нарыв лопнул – и что оттуда полилось!.. Через несколько дней опухоль исчезла. А маме он сказал: «Не меня благодари, а Бога».

Одевался Спиридон всегда просто: холщевая длинная рубашка, такие же штаны, на ногах сапоги, а чаще лапти. Зимой носил высокие старые валенки, пальто с чьего-то плеча или овечий тулуп и шапку из войлочной ткани. В руках неременный посох – а как иначе?! – служивший ему большим подспорьем при его передвижении. Именно таким он и запечатлен на единственном, чудом сохранившемся снимке с его изображением, что укреплен на кресте на его могилке.

**Старейший уроженец с. Владимировка
Ломтев Николай Михайлович:**

На этом источнике часто молился старец

Я живу здесь всю жизнь. Разменял девятый десяток уже. Хорошо и давно знал старца Спиридона. Он, можно сказать, был центром духовной жизни нашего села, особенно в военные и послевоенные годы: всё связанное с Церковью было уничтожено, а верующих в селе было очень много. А Спиридон, слепой и калечный от рождения, ходил пешком от села к селу, исполняя требы обращающихся к нему крестьян. Когда он шел, в руках у него всегда был посох, единственный его помощник и спутник. Люди, которые обращались к нему по различным жизненным вопросам или как правильно поступить в той или иной ситуации, знали, что Спиридон даст им исключительно верный ответ и совет. Как правило, ответы и наставления его были небольшими и краткими по содержанию, но очень внятными и понятными.

За всех обратившихся к нему людей Спиридон всегда читал молитвы о здравии и за успехи в их делах. Я, тогда еще будучи подростком, много раз бывал на его службах. Хорошо помню, как Спиридон впоследствии нам, молодежи, давал наставления, как согласно библейскому Святому Писанию должны складываться отношения между людьми. Как муж должен относиться к жене. Как жена должна относиться к мужу. При этом наизусть зачитывал нам строки из Священного Писания. Эти библейские наставления, которые я и мои сверстники почерпнули из поучений старца Спиридона, остались с нами на всю жизнь, за что ему большая благодарность. Да воздаст Господь Бог самым наилучшим образом за его молитвенные служения, добрые дела, что он совершал,

и поистине совершенные им настоящие христианские поступки! Словно Божья рука руководила и водила молитвенником Спиридоном. Не случайно же уже внуки и правнуки тех людей, для которых старец Спиридон совершал молитвенные служения, приходят с цветами к могиле этого человека и приводят сюда уже своих детей и внуков.

**Наськина Нина Сергеевна,
уроженка с. Владимировка:**

Хорошо помню послевоенное время, я была маленькой восьмилетней девочкой, у меня был брат Николай, который только-только родился, ему было несколько месяцев. Еще наша семья – мама, а также отец, только что вернувшийся с фронта, весь израненный, оба работали в местном колхозе. Работы было очень много, весь труд был ручной, трудились они не покладая рук. Рабочих в колхозе не хватало, очень много мужчин не вернулись с фронта, да и те, что пришли, слава Богу, живыми, большая часть была ранена и покалечена. С моим грудным братом Николаем, да и со мной, нянчился батюшка Спиридон, которого все знали и уважали в нашем селе. Он вел христианские службы в селе и сидел с грудными детьми, пока те немного не подрастали, затем шел в другую семью, где были маленькие дети, в следующую семью, куда его приглашали нянчиться с детьми.

Я была постарше, за мной не требовалось большого ухода, а брат Николай был крошкой. Спиридон сидел, нянчился с ним, качал его в зыбке, менял ему мокрые пеленки; качая зыбку с братом, пел молитвы и религиозные песни, знал он их очень много. Также он выполнял сильную ему работу по дому. Мыл посуду, мог сходить в колодец за водой. Родители мои держали небольшое стадо гусей и нескольких коз, которые паслись недалеко от дома. Я запомнила из детства: как только приближалась гроза, а у Спиридона был хороший слух, я по его указанию вместе с ним выходила на луг около дома и мы вместе загоняли во двор гусей и коз. Там

же во дворе мы и кормили их. Он по слуху определял и сам, где находились гуси и козы, иногда перед грозой и дождем загонял их во двор сам. Его все очень и очень уважали в семье, особенно мои родители. Хорошо помню, что, если родители собирались что-то сделать, они всегда советовались со Спиридоном, как, впрочем, и все другие жители села. Все очень дорожили советами Спиридона. Спиридон жил у нас несколько лет. Я уже стала подростком, и мы с мамой постоянно ходили на богослужения, которые проводил Спиридон обычно у родников или в чьем-либо доме в селе. Он делал абсолютно всё, чтобы не угасла православная вера. Делал всё, чтобы поддержать в то время этой верой людей.

Старец Спиридон, полностью слепой, обладал каким-то даром, данным ему Богом, способностями утешать людей и даром какого-то предвидения. Это было в конце 40-х годов прошлого века. Дед мой, Аброчнов Сергей Иванович, был хороший плотник. Целыми месяцами летом он ходил с другими строителями по селам Лукояновского и соседних районов и строил жилые дома и хозяйственные постройки. В конце лета дед обычно получал заработанные деньги, которых должно было хватить на зиму всей семье. Но когда он пришел домой и стал раздеваться, то денег не обнаружил. Возможно, вытащили и украли на рынке, где он был в райцентре, возможно, где-то выронил. Своим горем он поделился со старцем Спиридоном, тот выслушал и сказал деду твердо и конкретно: «Не печалься и не горюй, Сергей, не убивайся, иди и успокой своих домашних, деньги твои найдутся, тебе их возвратят».

В это очень трудно было поверить, не поверил в это изначально и дед Сергей, но всё же семью успокоил и передал домашним слова Спиридона. Каково же было удивление не только семьи деда, но и буквально всех жителей в селе (а об этом узнали все), когда через две-три недели после этого один из напарников деда принес ему его кошелек с деньгами, валявшийся в траве на одной из улиц нашего села.

А случай с Катериной, женщиной из соседнего села! Ей пришла похоронка на мужа. Она попросила Спиридона отслужить панихиду. А старец ей сказал, что ее муж жив, нужно ждать. Через несколько месяцев от мужа действительно пришла весточка: жив, здоров, был в окружении, не имел возможности сообщить о себе, а произошла ошибка какая-то в бумагах. Позднее, закончив воевать, ее муж вернулся с фронта домой.

Также хорошо помню, что мы, ребята по 13–14 лет, спрашивали у Спиридона: дедушка Спиридон, откуда ты так хорошо всё знаешь, знаешь службы, знаешь песнопения, хорошо поешь, и все в селе любят твои служения, хотя ты слепой, ничего не видишь, не умеешь читать и писать? В ответ на это обычно Спиридон нам рассказывал случай, что произошел с ним еще за несколько лет до войны, в конце 30-х годов. Как-то после службы возвращался он из соседнего села во Владимировку. Ночь застала его в пути, и ему пришлось заночевать в поле в 10–15 километрах от села. А на рассвете ему привиделось следующее. Над головой разверзлись небеса, и он воочию увидел Матерь Божию, от Которой по всему небу шли ослепительно яркие лучи света во все стороны, хрустально-золотистого цвета. Рядом с Ней было множество ангелов в белых одеяниях, и они пели прекрасные церковные песнопения. Но самым удивительным было не то, что он, слепой, видел всё это воочию, – он запомнил всю службу от первого до последнего слова, от первой до последней ноты, и запомнил навсегда!

Вечная тебе память, старец и молитвенник Божий батюшка наш Спиридон!

*Публикацию подготовил
Владимир Александрович Усков,
житель села Починки Лукояновского
района Нижегородской области*

Могилка старца Спиридона

А кони всё скачут и скачут...

При жизни Петра Ершова сказка про Конька-Горбунка переиздавалась семь раз, а за последние 100 лет появилось более сотни переизданий с различными иллюстрациями. В октябре 2018 года исполнилось 184 года с тех пор, как сказка в стихах впервые была издана отдельной книгой.

На коне мал

Ни цензура, ни время не смогли остановить Конька-Горбунка, так и скачет он по страницам детских книг, став классикой детской литературы. Художники с интересом берутся за это произведение Петра Павловича Ершова, каждый надеется открыть в нем что-то особенное. Нельзя не упомянуть таких иллюстраторов, как Рудольф Казими-

рович Жуковский (1856 год, первые иллюстрации к «Коньку-Горбунку»), Елена Петровна Самокиш-Судковская (1902), Владимир Михайлович Конашевич (1924), Юрий Алексеевич Васнецов (1935), Николай Михайлович Кочергин (1953), Владимир Алексеевич Милашевский (1956), Дмитрий Павлович Дмитриев (1981), Федор Ива-

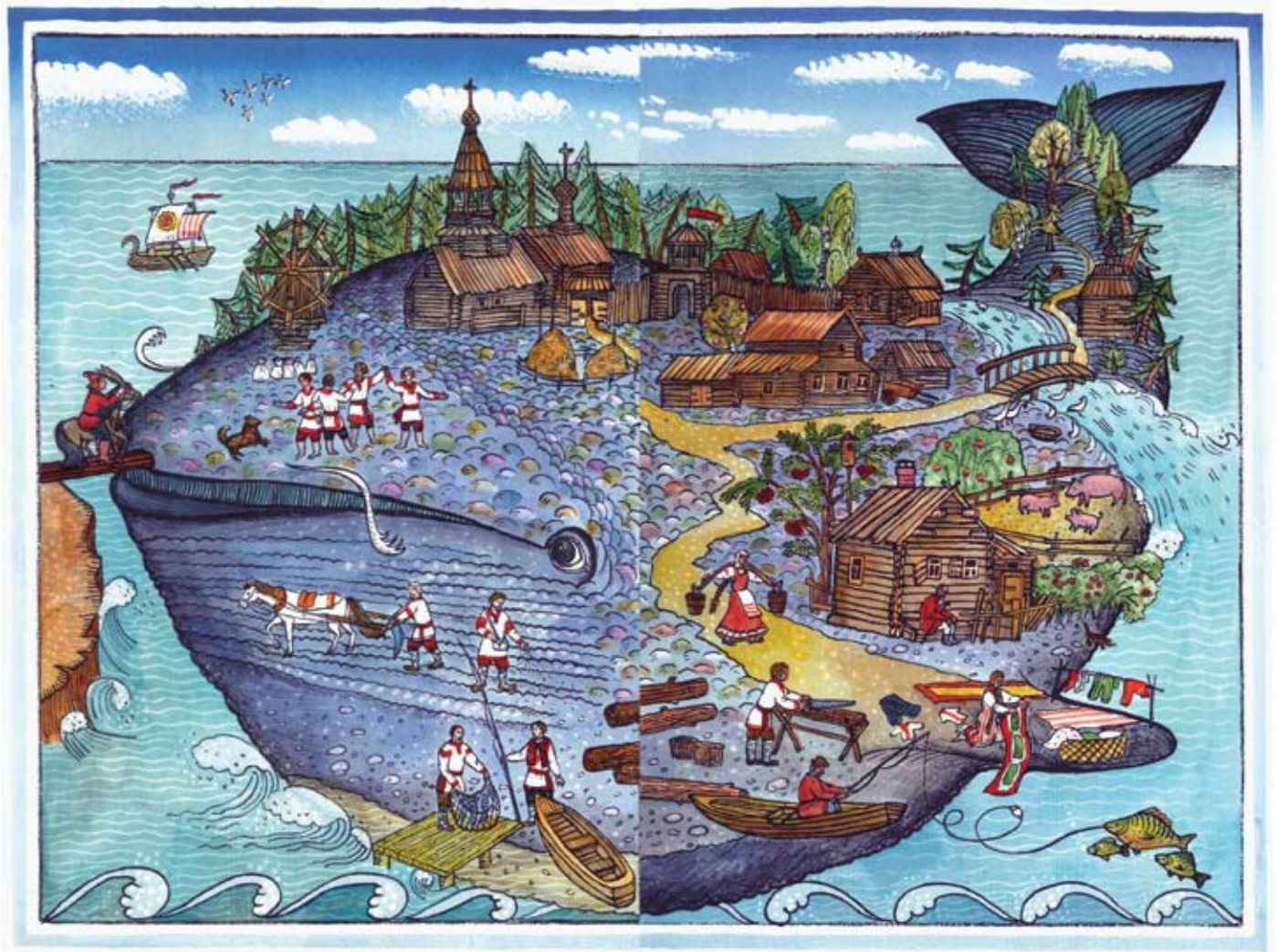
У шатра

нович Божко (1985), Анатолий Владимирович Кокорин (1989), Валентина и Сергей Чинёновы (1992), Анатолий Михайлович Елисеев (2011).

То, что вы видите перед собой, — это иллюстрации к знаменитой сказке, сделанные художником Асей Шеваровой. Работы выполнены в творческой мастерской хромолитографии под руководством академика Николая Львовича Воронкова, который вырастил уже не одно поколение художников, увлеченных этой необыкновенной техникой эстампа.

Почти все литографии изготовлены при помощи перевода с автографской бумаги, или корнпапира, и напечатаны на станке конца XIX века производства фирмы «Франц Марк и Ко», которая выпускала в Санкт-Петербурге скоропечатные и переплетные машины.

Над печатью оттисков-иллюстраций для серии работал Виктор Николаевич Комаров, который около тридцати лет отдал труду печатника в мастерских института имени Сурикова, Московского Политеха и творческой дачи художников «Челюснинская», где работали мастера советского и российского графического искусства.

Кит

Осень

Зима

Площадь

Савкина горка. 2011

Три сосны

Памятник А.Д. Ланскому. Литография. 2016

Об авторе. Ася Дмитриевна Шеварова. Родилась в городе Вологда в 1987 году, с 2005 по 2011 год училась в МГУП имени И. Федорова (Москва). Защитила диплом «Сборник поэзии «Тихая пристань»» на кафедре иллюстрации и эстампа под руководством Б.А. Дидорова. В годы учебы занималась в мастерской хромолитографии у Н.Л. Воронкова. Вступила в секцию книжной графики МСХ в 2012 году. В 2010 году на выставке «Молодые художники России» в ЦДХ присужден диплом ВТОО «Союз художников России» за серию автолитографий «Поэзия пушкинской поры», работы вошли в каталог издательства «ТриМаг» «222 лучших молодых книжных иллюстратора + 1 почетный гость из стран бывшего СССР» (2012). В 2013 году награждена дипломом 1 степени в номинации «Новые имена в книжной иллюстрации» на конкурсе «Образ книги».

Принимала участие во Всероссийских выставках: «Лики России» (Архангельск), «Юность России» (ЦДХ), «Скульптура малых форм и графика» (Владимир, 2017–2018), «Дом, в котором...» (Москва, 2017). Работы находятся в собраниях Государственного музея-заповедника «Михайловское», Тотемского краеведческого музея, Государственного Литературного музея, в Библиотеке-читальне имени А.С. Пушкина.

Так мы и живем

В прошлом номере было напечатано письмо автора сегодняшней публикации. Тогда же нам показалось, что разговор стоило бы продолжить: типичная русская провинция, типичный русский человек, типичная русская семья с ее укладом и внутрисемейными отношениями – и не нужна никакая социология! Итак, слово Анне Литвиненко.

Музыка в нашей семье звучала довольно часто: слушали радио «Маяк», по телевизору с удовольствием смотрели всей семьей концертные программы «Песня года», «Шире круг» и др. Но больше всего мы любили, когда папа брал в руки баян. Песни и частушки, исполняемые всей семьей по вечерам после работы, были своего рода репетициями. А в праздники собиралась вся родня и обязательно пели хором, с душой, многоголосно, красиво.

Отец, Александр Иванович Литвиненко, научился играть на баяне и на гармошке еще в детстве. Родился он в 1949 году в селе Кайла Яйского района Кемеровской области. В их роду все были музыкальными: Мария, бабушка Александра Ивановича, маленькой девочкой, еще до революции, пела в церковном хоре, дед Степан, погибший на фронте, был замечательный гармонист. Его родители – отец Иван Степанович и мать Мария Прокопьевна – тоже любили петь на два голоса русские и украинские народные песни.

С теплом и благодарностью папа вспоминает своего учителя и директора сельской школы Георгия Михайловича Перминова. Это вообще был стиль советской жизни, а в трудные послевоенные годы особенно: важно не только хорошо учиться, но надо поддерживать дух, настроить

ребят на созидание. Вот после уроков директор и собирал ребят в самодельный хор, сам брал в руки баян, и разучивали вместе «Песню о Щорсе», «Там вдали, за рекой...» и многие другие. Он учил мальчишек играть на баяне и на гармонии. Историк по образованию, самоучкой когда-то овладевший игрой на инструментах, Георгий Михайлович прививал любовь к музыке, трудолюбие, усидчивость, обучая ребят подбирать музыку на слух.

Ну какие в послевоенной деревне ноты?! Папа до сих пор с оживлением и радостью рассказывает о поездках в городской Дом пионеров, где проходили смотры художественной самодеятельности, звучали песни и танцевальные мелодии, которые потом, вернувшись в деревню, наши самодеятельные музыканты подбирали по памяти.

Умение петь и играть на баяне пригодилось папе в армии. Там же научился играть на гитаре. Служба проходила в Совгавани и бухте Бяудэ на Тихоокеанском флоте. Навсегда запомнилось это время: настоящая морская дружба, трудные походы и смешные, порой курьезные случаи на стоянках и в увольнении. Ведь именно жизненные впечатления эмоционально отзываются в душе и проявляются потом в чутком, ласковом пении, а то и в звонком, веселом наигрыше.

После армии были долгие и трудные годы работы на химфармзаводе в Анжеро-Судженске, на завод пришли вместе с братом Валерием. В 1970-е женился: из армии его ждала – и дождалась! – девушка из родного села. Электрогазосварщик высшего разряда, он не оставил завод в сложные для страны 1990-е

годы – предприятие то перепродавали, то банкротили, то снова менялся хозяин. Папа не прельстился более комфортной жизнью и рублем подлиннее; когда было нужно, работал и слесарем, брался за подработку, чтобы выучить и поставить на ноги детей, а в семье росли две дочки.

Шли годы. Мы с Мариной учились в музыкальной школе, участвовали в самодеятельности, приобрели профессию. Я, старшая, стала музыковедом-преподавателем, младшая пошла по маминым стопам в медицину.

Наша мама – операционная сестра. Более 40 лет проработала в отделении онкологии городской больницы, участвовала в сложнейших операциях с уникальным врачом-онкологом В.В. Дайнеко. Выполняла не только свои сестринские обязанности, но часто ассистировала хирургу, так как в маленьких городах уже давно остро не хватало квалифицированных специалистов-врачей. Например, Вячеслав Валентинович до сих пор делает операции, а ему уже 77 лет! Он – Почетный гражданин нашего Анжеро-Судженска. То, что Вячеслав Валентинович подлинный подвижник и не мыслит себя без любимого дела, – вопрос отдельный, его замечательная жизнь заслуживает особого внимания. И мы все знаем, какую ношу он несет, и знаем, что во многом это не от хронической жизни: много лет он – единственный онколог в городе и на всю округу.

Сколько помню, мама всегда обращалась за помощью к Богу, молясь за всех нас, прося милости и уповая на Него. Она понимала, что ее тяжелым больным нужен не только скальпель хирурга, что не ме-

нее спасительно для них – теплое и твердое слово поддержки, а на это своих, человеческих сил просто не хватило бы.

А еще я помню, как она с любовью и заботой варила «больничные супчики», – так мы называли куриный бульон с рисом и мелко-мелко порезанными кусочками мяса. Значит, кто-то из родственников или знакомых из дальних деревень, земляки из сел Никольское, Емельяновка или из Улановки легли в отделение, и после операции она их подкармливала, навещала, укрепляя их самих и родных.

Сейчас мама на пенсии. Если бы не микроинсульт, наверное, работала бы до сих пор. Помню мамины слова, что Бог должен быть в душе человека и этого, мол, достаточно для верующего. Не просто было убедить ее, что церковные таинства освящают и душу, и жизнь совсем по-другому.

В 1990-е годы я трудилась в Знаменском кафедральном соборе в Кемерове, сначала певчей, а потом даже выполняла послушание псаломщика.

После училища работала в музыкальных школах, продолжая учиться в Красноярском государственном институте искусств. В храм привела меня однокурсница, предложив попеть в хоре. Сначала для меня это было просто занимательным и необычным делом. Крестилась, хотя была твердо убеждена, что «от этого я лучше петь не стану». Но хорошо помню, что в один из первых же дней на службе мне в голову пришла мысль, будто кто сказал вслух: «А ведь ты здесь останешься!». Не «Мне здесь нравится» или «Как здесь хорошо», а именно «Ты здесь останешься»!

Я попала в Знаменский собор в период его строительства. Большое и нужное дело в сложное не только для Кузбасса, но и для всей страны время. Всё было необычным и памятным: участие в освящении куполов, приезд патриарха Алексия II на освящение собора, отклик всей

епархии на трагедию в Новокузнецке (со всего Кузбасса ехали туда священники и певчие отпевать шахтеров, погибших от взрыва метана, я тоже участвовала в отпевании многих – потрясение на всю жизнь!), поездка в Ленинск-Кузнецкий по заданию моего научного руководителя И.В. Ефимовой – нужно было записать церковные напевы Кольчугинского женского монастыря и сравнить их с напевами из Синодального сборника и местной, анжерской, певческой традицией.

Каждый день понемногу я открывала для себя новый мир, училась духовному деланию, трудилась, радуясь и ошибаясь. Однажды мама приехала в гости. Так как я все дни была занята то на одной работе, то на другой, ей ничего не осталось, как пойти со мной на службу, чтобы побыть рядом и посмотреть, чем я там занимаюсь. Она тогда была поражена красотой обстановки, атмосферой богослужения – величием, достоинством и значимостью происходящего, неземным, как ей показалось, пением! На следующий день она приняла таинство Крещения!

И, видно, справедливо о русском человеке говорят: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Крест нателный она все-таки стеснялась носить, особенно на работе. Пока не попала в аварию через шесть лет после крещения, когда уже внук подрастал. Они с папой тогда сильно покалечились, а внуку – хоть бы что, ни царапины, и даже испугаться не успел – дедушка смог на руки подхватить. На сынишке крест был, я настояла, чтобы носил, раз крестный. И мама и папа были в крайнем волнении и испуге, пораненные, так что показания милиционеру тогда четко и грамотно дал внучек, даже номер машины-нарушителя указал и все ее приметы.

А маме тогда врачи, свои же, которым доверяла, с которыми много лет работала, как приговор, сказали, что рука подниматься не будет. Поплакали, погоревали. Я тогда и дала ей молитвослов и произнесла

целую проповедь: «Господь дает по труду и по вере. Будешь просить Его милости, будешь верить в то, что Он поможет, – всё выправится. И крест надо надеть! Не можешь стоять на молитве – сидя читай! Стесняешься при других – молись, пока дома никого, но молись!». В течение полугода рука пошла на поправку и вскоре стала двигаться как обычно. Конечно, это было для нее потрясением!

А потом были будни и праздники, многие годы папа и мама помогали растить уже и внуков. И все это время Александр Иванович не расставался с баяном, песнями, наигрышами и частушками, радуя своих родных и близких. По праздникам в доме собиралась вся наша многочисленная родня – мамины сестры тоже певуни с красивыми голосами. Запоют... и в два, и в три голоса начнут выводить так задушевно! Их-то отец Николай Иванович Поляков тоже был озорным и бойким гармонистом, первым заводилой в деревне, а мама Галина Давыдовна (моя бабушка) в молодости играла на гитаре и пела романсы, песни! В сибирской деревне в 1940-е годы о гитаре только слышали, а бабушка гитару с собой привезла – ее семья была депортирована перед войной с Волги в нашу глухомань. Но ни на власть, ни на людей бабушка никогда не обижалась, всегда была радушна, приветлива, и в деревне ее уважали и любили.

Каково же было удивление родных, когда, сыграв однажды очень красивую мелодию, папа объявил, что это он сам придумал! Да еще и песню спел! Случилось это в 2011 году, зимой. К тому времени «дед», как его зовут домашние, вышел на пенсию, и было непривычно много свободного времени. Печь топлена, снег во дворе вычищен, собака накормлена – можно и баян в руки взять. А тут как раз я принесла сборник анжерского поэта Г.М. Горюнова. Почитал стихи, многие отозвались в душе: в них о красоте нашей сибирской природы,

Село Кайла на Кузбассе. Здесь появились на свет, выросли и полюбили друг друга мои родители

А так выглядит деревня летом, если смотреть на нее со стороны песчаного карьера, который местные жители почему-то называли Карпаты

Представьте, сохранился родной дом папы

Семья Поляковых, мамина родня. Моя будущая мама – пионерка, которая справа. 1960-е годы

Моя мама – на операции (крайняя слева)

Папа – матрос срочной службы Тихоокеанского флота

Сестры Поляковы. Мама – крайняя справа. Все – певуны

В гостях у дедушки с бабушкой дочка с внучатами

В центре – Никита. Он всегда в центре

Андрюша берет у деда уроки игры на гармонии

Хор Петропавловского храма с регентом в центре на городском фестивале

о любви к малой родине, о простых людях, о долге, о совести, о судьбах Родины, о покаянии – в общем, обо всем, что дорого человеку. И стали рождаться одна за другой песни, простые и запоминающиеся, с выразительными и мелодичными интонациями, в народном стиле. Жаль, что в журнале нельзя воспроизвести...

А в 2014 году по приглашению управления культуры города А.И. Литвиненко стал участником областного конкурса самодеятельных композиторов «Песни земли Кузнецкой». Две свои песни «Малая родина» (о поселке Рудничном, что на Антоновском кварцитном руднике) и «Солнышко» вынес на суд зрителей. И пусть не заняли призовых мест, всё равно для нашей семьи это стало огромным событием в жизни. Отец не только впервые вышел на сцену во дворце культуры «Центральный», но и встретился с поэтом-соавтором, пообщался с ведущими музыкантами города, узнал от них некоторые секреты устройства баянов и гармолей. Так что теперь Александр Иванович занялся еще и ремонтом этих инструментов – о нем всегда говорили: руки золотые!

Сочинять песни для него не самоцель. Он признается, что сам удивлен – песни рождаются только зимой, чаще ночью: «Придет в голову мотив, потом утром ищу в сборниках стихотворение – знаю, что какое-то прочитанное накануне зазвучало». Есть в репертуаре песни на стихи кузбасских православных поэтов. А этой зимой Александр Иванович обратился к поэзии Николая Рубцова.

Так что домашние репетиции с дочерью и женой продолжают. Отец мне доверяет, советуется иногда. Я преподаю в детской музыкальной школе № 19, более 16 лет руководила праздничным церковным хором Петропавловского храма. Ученики мне часто задают вопрос: «Почему вы не пишете музыку, вы же с образованием?». Ответ, с улыбкой: «Дело не только в образовании, тут талант нужен».

Пару лет назад папу тоже Господь призвал к испытанию: он перенес онкологическую операцию. Трудно далась ему мысль, что он один у нас некрещеный остался, а в тот момент особенно нужна была сила всеобщей, соборной молитвы! Мы вместе шли на крещение, вместе с внуком пошел на первое в жизни причастие! Люди добрые, если бы видели лицо этого взрослого человека в момент крещения и потом на богослужении – оно светилось внутренним, неземным светом, оно было прекрасным! Я вдруг тогда отчетливо поняла, что болезнь долго подтачивала его силы. Сочиняя песни, он, может быть, безотчетно отдавал всё доброе, искреннее, чистое, что накопилось за всю жизнь. Отдавал нам, всем людям, в память.

А теперь – вот она, детская, открытая, настоящая, без оглядки, вера, надежда! Никогда не забуду его ясные серо-голубые глаза, устремленные на иконостас, и ровное, полной грудью дыхание! И жизнь продолжается, и папа с нами, и верит, что Господь если оставил его здесь, то не просто так!

Старший внук Никита, окончив гимназию, вдруг решил строить корабли, поступил в Сибирский государственный университет водного транспорта в Новосибирске. Удивил всех, а дедушку обрадовал несказанно. Было видно, как ему приятно и дорого, что внук пойдет по его стопам, может, даже во флоте послужит. Наш дед гордится службой в армии, гордится флотскими традициями!

Никита не ходил в детстве в воскресную школу, но в храм со мной – всегда, вдумчиво и очень ответственно относился к таинствам Церкви. Он учился в музыкальной школе по классу фортепиано с пяти лет и до пятнадцати. Участвовал в олимпиадах – от гимназического до всероссийского уровня по предметам, преимущественно гуманитарного цикла. В музыкальной школе тоже был постоянным участником олимпиад, конкурсов, просветительских

концертов. А в свободное время погружался в чтение книг, в изучение техники, в моделизм. Помню, собираясь к родным в Крым, стали выбирать с ним, какую бы книгу взять в дорогу. Он остановился на «Войне и мире» Л. Толстого. Повез с собой на отдых оба тома.

Когда-то, при выпуске из музыкального училища, нам наша преподаватель Е.Л. Фукс предложила на выбор шесть книг, чтобы мы взяли каждая себе на память о ней, – я выбрала Новый Завет. Никите на память учитель истории Л.П. Подгорная подарила «Жития святых».

Многие наши знакомые думали, что он будет музыкантом, удивлялись, что он не поет в моем церковном хоре, хотя обладает красивым баритоном. Для меня не удивительно, ведь я с детства видела его любовь к самолетам, кораблям и прочим танкам. Как я часами могу петь, играть на инструментах (играю на фортепиано и гитаре), работать с хором или возиться с настройкой пианино, так он часами может конструировать модели, изучать технические характеристики, историю различных видов техники. Он о ней рассказывает так же самозабвенно, как я пою!

Очень многие с его курса бросили учебу: кто сессию не сдал, у кого усердия и выносливости не хватило, кто вообще вузом ошибся. Мне отрадно, что он приезжает на побывку с горящим взглядом, множеством впечатлений и приговаривает: «А все-таки у меня очччень интересная профессия, кто бы что ни говорил!» или «Сочинять корабли – это сложно, но интересно!».

Помоги ему Господь! Пусть для наших родителей будут утешением и радостью наши дети – их внуки! И как бы сложно ни жилось сейчас и моей стране, и моему народу, пусть у нас и наших детей хватит сил, твердости и крепости духа по-своему, на своем месте честно с любовью служить Отечеству, людям и Богу!

*г. Анжеро-Судженск
Кемеровской области*

Кинематограф Киры Муратовой

На телеканале «Спас» появился цикл передач «Светлая память». Ее автор инокиня Ольга Гобзева, в прошлом сама актриса, призывает нас всмотреться в судьбы известных актеров, режиссеров, других мастеров кинематографа, помянуть их светлой молитвой в благодарность за ту радость, которую они нам доставили своим творчеством. Олег Борисов, Алексей Баталов, Иннокентий Смоктуновский, Нонна Мордюкова, Вячеслав Тихонов... В этом ряду и Андрей Тарковский, и Лариса Шепитько, Сергей Параджанов, Тенгиз Абуладзе, и Леонид Осыка, и многие другие, кто создал великий неповторимый отечественный кинематограф – русский, советский, многонациональный... В этом ряду теперь и имя Киры Георгиевны Муратовой, которая оставила нас 6 июня этого года в возрасте 83 лет...

Она оставила нам свой невероятный, уникальный кинематограф, в котором много раздражающих моментов, но эстетическое совершенство привносит гармонию в рассказ о дисгармонии мира, драме человеческих чувств и мыслей. От фильмов Муратовой нельзя просто так отмахнуться. Она часть нашей истории и культуры. Реалистический период ее творчества оставил нам «Долгие проводы» и «Короткие встречи» – подлинные документы времен оттепели и застоя. В них тонко и точно запечатлены отношения, что были привычны для советских людей, более занятых собой, социальным статусом, чем подлинной человечностью. Мама и сын в полочном «Долгом прощании» (1971) не могут расстаться и мучают друг друга, потому что оба не повзрослели. И вряд ли это произойдет с ними когда-нибудь в будущем. Советская культура как бы не предполагала ответственности человека за самого себя. Достаточно было быть примерным семьянином, послушным гражданином, передовиком производства. Всё за тебя решали пар-

тия и правительство: какая зарплата, какая планировка квартиры, какие льготы. Но в жизни так не бывает. Люди бунтуют, не хотят жить под бесконечной опекой. Им хочется воли, путешествий, открытий. Не потому ли герой «Коротких встреч» (1967) бежит от властной возлюбленной-чиновницы (ее сыграла сама Кира Георгиевна) в дальние края: чтобы ощутить дух свободы, романтику открытого финала? Открытые финалы были характерны для ранних фильмов Муратовой. Автор ставила перед героем вопрос, ответ на который предполагался в будущем.

В период перестройки Кира Муратова выступила с новой эстетической идеей. Она на равных соединила два начала – постмодернистскую условность, игру смыслами, и реализм, который у больших художников никогда не порывает с действительностью. Даже подвергнув сомнению ценность «homo-sovietikus», она не перечеркнула страданий, которые выпадают на долю отдельного человека, не способного, по мысли режиссера, противостоять

разрушающей жизни. Нарушая запреты, Муратова доводит конфликты до тупика («Перемена участи», 1987), поэтому в ее картинах 1990-х и 2000-х любовь становится плоской и карикатурной. Смерть и жестокость, в отличие от убийства и жестокости в массовом жанровом кинематографе, производят впечатление пугающе правдоподобное. При нарастающей фарсовой стилистике этого периода насилие в фильмах Муратовой звучит убедительно и усиливает эффект реалистических, по сути, документальных эпизодов, включенных в сложное повествование. Когда после бутафорских похорон мужа вдова из первой новеллы «Астенического синдрома» (1989) одиноко бродит по кладбищу среди могил, музыка Шуберта резко сменяется гробовой тишиной. На экране остается бесконечная череда памятников и надгробий, с которых смотрят на нас некогда живые люди. В этой тишине звучит немой вопрос Муратовой: кто они, эти люди, что мы знаем о них? Фарс предыдущих сцен уходит в никуда, как некое недоразуме-

«Вечное возвращение»

«Второстепенные люди»

«Два в одном»

ние. На первый план проступает немая тайна человеческой жизни и смерти.

Смерть режиссер изображает не так, как принято. Без почтения, без испуга, без романтизации. Ее взгляд на мир, отточенный в художественную форму произведения искусства, является цельным личностным высказыванием с ясной авторской позицией. Муратова умело провоцирует нас, зрителей, на живую реакцию, тем самым выводит из состояния оцепенелого равнодушия. Темы смыслов жизни в фильмах Муратовой всегда развиваются с элементами юродства и парадоксальности, некоторого чудачества, вплоть до абсурда, шутовского балагана и даже сумасшествия. Таким образом режиссер подчеркивает несовершенство человеческого мира, где господствуют культы секса, молодости, наслаждения, а нищета, одиночество, старость, болезни и смерть однозначно приравниваются ко злу. Муратова возвращает человека к вопросам экзистенциальным: чем человек жив, ради чего готов умереть, что остается от человека после его смерти? Более того, она ставит вопрос совсем неожиданно для современной массовой культуры: во имя чего человек готов убить себе подобного?

Фильм «Три истории» вывел кинематограф Муратовой на новый виток реальности – виртуальный, опасный – суггестивный, влияющий на зрителя как гипноз. Поведение Офы в исполнении Ренаты Литвиной («Три истории») завораживает предопределенностью действий героини, существующей в вакууме большого города, где люди друг другу совсем чужие. Эта девица расправляется с двумя женщинами – молодой сверстницей, оставившей в

роддоме новорожденного ребенка, и собственной матерью, которая бросила Офу много лет назад. Обе жертвы – пародии на человека. Однако Муратова не выносит приговор своим героиням. Она изучает их, рассматривает под увеличительным стеклом искусства. Автор обличает и нас, сидящих в зале, в похожести на ее персонажей, заставляет задуматься о тех скрытых процессах, что происходят в каждой человеческой душе.

По мнению А.С. Плахова, Кира Муратова «вообще никуда не вписывалась: ни во ВГИК, ни в родную Одесскую киностудию, ни в западную фестивальную тусовку, одно время шумно превозносившую ее... Муратова ощущает себя фигурой вполне маргинальной».¹

Ее фильмы тоже плохо вливаются в общую картину современного кинематографа. Они существуют сами по себе, подчеркивая авторский стиль, неповторимый взгляд режиссера на повседневную действительность, но при этом картины отражают полифонию мира, заставляют нас вглядываться в глубинное течение жизни. Смерть для Муратовой – плоть от плоти парадоксальной жизни. По сути, она как художник стоит на духовной позиции: важно не только то, как живет человек, но и как он умирает. Сон, в который погружается в пустом вагоне герой второй новеллы «Астенического синдрома», это образ его завершающейся жизни. Смерть входит в сюжет как важный структурный и смысловой компонент. Она может быть невыносимо тяжелой, болезненной,

странной, нелепой и даже веселой. Порой смерть у Муратовой более «живая», чем жизнь, квинтэссенцией которой служит эпизод «На живодерне» из того же «Астенического синдрома». В очередной раз звучит музыка Шуберта. Собак видим на крупных планах. Читаем титр: «Об этом не любят говорить...». Эпизод, документальный по своей природе, встроен в повествование о нашей жизни как точка отсчета в разговоре о добре и зле, о чем люди сегодня тоже перестали говорить, считая это банальностью. В эпизоде нет фальши. Есть жесткая буквальность. Для Муратовой, подчеркнем еще раз, человек, который предает бессловесную тварь на одиночество и мученья, – не венец творения.

Значимость буквального, того, что мы видим на экране, будет нарастать в каждой последующей картине Муратовой, и в каждой будет свое сочетание реализма и условности. Балансируют на грани сочетаемого «Чеховские мотивы», по ранним произведениям Антона Павловича. Самым обличительным и безысходным обернется сентиментализм «Мелодии для шарманки», современной интерпретации сказки Андерсена «Девочка со спичками», перенесенной в жутковатый мегаполис наших дней.

Кира Муратова, подобно художникам эпохи барокко, напоминает зрителю о том, что его жизнь слишком ценна, слишком коротка, чтобы растрачивать ее на пустые, бессмысленные и просто отвратительные вещи, – суету, бессодержательные разговоры, обиды, ругань и жестокость.

Татьяна Москвина-Яценко,
киновед, доцент ВГИКа

¹ Плахов А.С. Всего 33. Звезды мировой кинорежиссуры. Винница, 1999. С. 202.

«Короткие встречи»

«Три встречи»

Сердце Афанасия Долгова

Несмотря на свою фамилию, московский купец Афанасий Иванович Долгов был вполне успешным и солидным предпринимателем, энергично и плодотворно развивал свое дело, неуклонно богатели и постоянно расширял свое большое хозяйство. Финансовых долгов он не знал, но о своем христианском долге помнил твердо, поэтому и в благих делах был так же ревностен и последователен, как расчетлив и напорист в занятиях бизнесом. Свои лучшие качества решительного защитника православия Афанасий Иванович проявил в непростой период, когда императрица Екатерина Великая в своем реформаторском угаре начала изымать церковные владения и закрывать монастыри.

В центре Москвы на Большой Ордынке напротив храма в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» стоит красивая старинная усадьба. Она появилась во второй половине XVIII века – вскоре после восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны. В ту пору усадьбой владел купец Афанасий Иванович Долгов. Его отец, Иван Осипович, основал в Калуге прибыльное торговое дело. К семейному бизнесу привлек сыновей – Афанасия и Луку, предварительно дав им приличное по тому времени образование и необходимые навыки в области коммерции. От родителя чада унаследовали все лучшее: предпринимательский талант, деловитость,

живой ум и тягу к знаниям. Детей калужского купца интересовали и сельское хозяйство, и ткацкое и ювелирное производства, и виноделие, и даже искусство. Братьям удалось наладить даже импорт европейских товаров через порт Санкт-Петербурга.

Купцы Долговы, несомненно, принадлежали к весьма тонкому слою высокообразованных передовых российских коммерсантов. Косвенно на это указывают их родственные связи. Дочь Луки Ивановича Аграфена была замужем за выдающимся архитектором, основателем стиля русской псевдоготики, теоретиком архитектуры и педагогом Василием Ивановичем Баженовым. Ее сестра Прасковья вышла замуж за профессора медицины

Московского университета Семена Герасимовича Зыбелина.

Условия для развития предпринимательства в России той поры были достаточно благоприятными (не в пример нынешним). Правительство Елизаветы Петровны успешно провело финансовую реформу. Весной 1753 года императрица предписала Сенату учредить Дворянский заемный банк – первый в Российской империи. В том же году был подписан указ об отмене внутренних таможен.

Энергичная правительница и ее Кабинет подавали российским поданным поучительный пример добросовестного служения Отечеству. Достаточно вспомнить, как во второй половине 40-х годов XVIII века правительство Елизаветы Петровны выдвинуло проекты по разведению устриц на Балтике («завесь в нашем

море устерсы») и основанию винной фактории в Венгрии. Эпопея длилась семь лет. Долго выясняли, какой из видов моллюсков скорее приживется в русских водах. Остановились на голштинских. В Дании наняли специалиста для поиска нужного грунта у берегов Лифляндии, Эстляндии и Ингерманландии. Летом 1753 года на «лоц-галиоте» датчанин Отто Фридебек проинспектировал гавани от Моонзунда и Пернова на западе до Кронштадта и Фридрихсгама на востоке. Хотя по солёности воды и «слискости» земли русская акватория уступала голштинской, тем не менее эксперт наметил пять подходящих точек. Но дело застопорилось из-за нежелания «наших западных партнеров» (датчан) продать России сотню бочек устриц. К весне 1755 года переговоры окончательно зашли в тупик, и в августе императрица была вынуждена закрыть проект.

С винной факторией все получилось иначе. До сих пор за качественными венгерскими винами снаряжали особые команды. Но 6 апреля 1745 года Елизавета Петровна решила эту практику прекратить и учредить в Венгрии российскую базу по закупке вин, выращиванию винограда и изготовлению токайского из собственного сырья. Дело для русских людей не противное и даже приманчивое. В сентябре специальный отряд из тридцати пяти человек прибыл в винодельческий край. В течение осени и зимы отбирали вино, приглядывались к виноградникам. Следующей весной арендовали три «винницы», после чего погрузились в науку виноделия. Несколько лет потратили на обучение и завязывание партнерских отношений с мадьярскими виноградарями. Постепенно сумели полностью исключить из поставок в Россию поддельные вина, увеличили количество импортируемого товара и стали производить из своего урожая добрую продукцию.

Когда предпринимательская инициатива исходила с самой макушки властного Олимпа, популярность бизнеса в России неуклонно повышалась (взять бы это нынче на заметку!). Оживлялось московское купечество,

росло число предпринимателей. В этот, говоря по-нынешнему, тренд встроился и Афанасий Иванович Долгов: стал успешно сдавать в аренду другим купцам свои торговые лавки, что стало новым направлением его коммерческой деятельности, приносящим немалый доход.

В быту Афанасий Иванович был скромен и никогда не забывал, что своим благополучием прежде всего обязан Богу. Своей жизни он не мыслил без благотворительности. При этом помощь нуждающимся он рассматривал не в качестве некоего «социального налога», а как глубоко религиозный акт, совершаемый для прославления Господа. Странники, отправляющиеся в паломничество на Святую Гору Афон, которых он регулярно снабжал деньгами на дорогу, называли Долгова «благочестивейшим мужем». Под этим именем его и знали в Москве.

Значительную часть прибыли Афанасий Иванович жертвовал на возведение новых и восстановление старых храмов. В 1783 году он пригласил своего тестя архитектора Василия Ивановича Баженова полностью реконструировать Преображенский храм на Большой Ордынке. Дом Долгова находился как раз в его приходе. К 1791 году были построены высо-

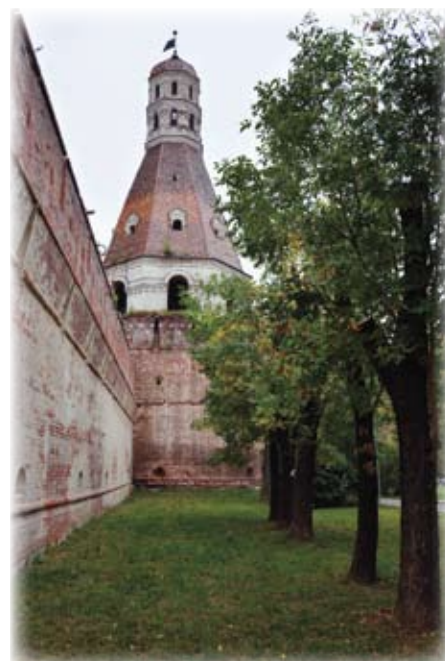
кая колокольня и трапезная. Образ для иконостаса писал иеромонах Вонифатий из Саровской пустыни. 24 октября (6 ноября) 1790 года один из приделов был освящен знаменитым митрополитом Платоном (Левшиным) в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». По этому приделу храм на Большой Ордынке получил свою широкую известность среди московского православного люда и стал обычно именоваться Скорбященским вплоть до сегодняшнего дня.

В 1831–1836 годах другой знаменитый архитектор, О.И. Бове, возвел красивую ротонду под куполом, придав церкви завершенный и элегантный вид. Без преувеличения можно сказать, что церковь представляет собой самое узнаваемое и наиболее эффектное сооружение на этой улице. Немалая заслуга в этом Афанасия Ивановича Долгова.

Талантливый прозаик и публицист, защитник родной природы и памятников национальной культуры, Олег Васильевич Волков писал о Скорбященской церкви так: «...выдающийся памятник архитектуры и вещественное воплощение тщеславия замоскворецких тузов, не пожалевших средств, чтобы воздвигнуть нечто, способное поразить богатством убранства и цар-

Храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке

Симонов монастырь сегодня. Сразу видно: нет уже купца Афанасия Долгова...

ской роскошью». С почтением склоняясь перед памятью и авторитетом удивительного человека и глубокого знатока истории Москвы, прошедшего сталинские лагеря, хочу выразить надежду на то, что строить и восстанавливать храмы Афанасия Ивановича Долгова побуждали мысли и чувства, не имевшие ничего общего с названным качеством. Если бы лучшие русские предприниматели елизаветинских и екатерининских времен трубили о себе на каждом шагу, как это делают современные олигархи, звезды шоу-бизнеса и спортсмены (особенно отечественные футболисты, научившиеся попадать по мячу только летом этого года), то сегодня нам не пришлось бы собирать сведения об их жизни буквально по крупинам. Повторю свою мысль о том, что в быту эти люди были весьма скромны. Мы даже не знаем, как выглядел Афанасий Иванович, – в процессе работы над этой заметкой мне, к сожалению, не удалось найти ни одного портрета купца.

Прошли годы, и на русский престол взошла другая императрица – Екатерина II. Одним из весьма спорных и неоднозначных эпизодов ее правления была секуляризационная реформа 1764 года. Она подразумевала изъятие

церковных владений и упразднение части монастырей. Угроза полного закрытия нависла и над Симоновым монастырем, основанным учеником и племянником преподобного Сергия Радонежского – святителем Феодором. Афанасий Иванович Долгов очень любил эту древнюю московскую обитель и приложил немало усилий к тому, чтобы ее не закрыли. В книге «Рассказы Сергея Михайловича Голицына, записанные М.П. Полуденским» об этих событиях рассказывается так: «В царствование императрицы Екатерины II Симонов монастырь был запечатан, а кельи превращены в казармы; одна церковь была оставлена, в которой полковой священник служил по праздникам. Купечество московское жалело о монастыре; градской глава Афанасий Иванович Долгов по совещании с другими купцами решился просить императрицу перевести казармы; он уверял императрицу, что в ночь на Светлое Христово Воскресение, несмотря на то, что церковь была запечатана, в ней видели освещение. Императрица согласилась перевести казармы, монастырь был снова открыт, Афанасий Иванович Долгов обновил его и положил двести тысяч капитала на его содержание». Двести тысяч рублей в годы правления Екате-

рины II были эквивалентны приблизительно ста одиннадцати миллионам современных российских рублей.

Для чего многие люди занимаются бизнесом и посвящают свою и без того короткую жизнь многотрудной и порой весьма опасной борьбе за денежные знаки? Иногда предпринимательский труд кажется бессмысленным и парадоксальным – ведь любой богач, отдающий значительную часть своей жизни на приобретение и преумножение денег, прекрасно понимает, что накопленные сокровища на тот свет с собой не возьмешь. Тогда для чего все это нужно? В Евангелии есть простые, но очень сильные и бьющие прямо в душу слова: «...где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф 6:21). Где было сокровище и сердце замечательного русского предпринимателя Афанасия Ивановича Долгова, после знакомства с основными фактами его биографии, думаю, всем нам должно быть понятно. Ведь случай со спасением им Симонова монастыря очень созвучен притче, рассказанной Спасителем Своим ученикам: «Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал всё, что имел, и купил ее» (Мф 13:45–46).

«Простите, с кем имею честь?»

Еще когда я училась в 1 классе, в доме бабушки Тамары частенько бывал курский поэт Егор Полянский. Как-то он даже подарил мне книжку своих стихов, из которых я запомнила единственную строку: «И не знал сапожник Джугашвили, что родился Сталин у него»...

Однажды отец пришел необычайно возбужденным и позвал меня с собой. Я окончила тогда 9 класс. По дороге отец объяснил, что к его приятелю Сергею Александровичу Смельскому приехал друг, с которым они вместе отбывали срок в сталинских лагерях.

И вот я сижу за столом в компании немолодых людей, которые без улыбок, обычных при встрече долго не видевшихся друзей, пьют водку с горько-ироничным тостом: «За друга нашего Джугашвили — за то, что он все-таки умер». Они почти ничего не говорят. Смельский, его жена — тоже оттуда, из лагерного прошлого, и Анатолий Константинович Скалдыцкий — их гость.

Даже среди них троих он выглядел трагично. Глядя на него, я мысленно повторяла строки любимого мною тогда поэта Евгения Евтушенко: «Он вернулся из долгого отлученья от нас / и, затолканный толками, пьет со мною сейчас. / Он отец мне по возрасту, по призванию брат. / Невеселые волосы, пиджачок мешковат...». Эти слова Евтушенко посвятил другу-поэту, но в них мне виделся собирательный образ поколения — всех выживших, вернув-

шихся *оттуда*. Я была еще слишком юной и мало знающей, чтобы понять психологию этого явления. Но уже тогда видела и чувствовала, как — криком кричит молчание этих людей. В резких глубоких морщинах на лице, застывшем взгляде не было не только будущего — не было и настоящего. Одно лишь прошлое, остановившее жизнь.

Он не хотел говорить. Только курил, зажигая от дотлевающего до бумажного хвостика остатка «Беломоринь» — другую, третью, и не было им конца. Да и о чем ему было говорить с пятнадцатилетней девчонкой и ее еще молодым отцом, который хотя и жил во время оно, но сразу видно: если и задело его, то лишь краешком, взрывной волной отбросило в сторону. А друг Смельский — суетлив, неестественно весел... И чем больше старался хозяин развлечь гостей, тем резче ходили желваки на скулах его гостя.

Из сбивчивого рассказа Смельского я узнала, что А.К. Скалдыцкий был сыном камергера двора его императорского величества (тогда эти слова для меня ничего не значили); они вместе учились в школе, много рассуждали и многим

возмущались, и весь их класс арестовали и раскидали по разным уголкам страны: кого — в детский приют, кого в ссылку, а их, заводил и зачинщиков, — на Соловки. Сегодня это слово знает каждый, хоть немного неравнодушный к нашей истории. Мне же о нем впервые рассказали узники этой машины смерти. Как же может кто-то сегодня продолжать верить «в светлые идеалы революции и марксизма-ленинизма», когда именно этот ленинизм не только обрек на мучения и смерть десятки миллионов сограждан, но и превратил острова спасения в грешном мире — святые монашеские обители — в дьявольскую машину уничтожения людей! Славный святостью и неусыпными трудами его обитателей Соловецкий монастырь стал самым страшным и кровавым местом новоиспеченного советского государства.

Сидящим передо мной в 1973-м старикам — в 1929-м, когда их выбросили с тюремного теплохода на соловецкие скалы, было, как и мне, пятнадцать. Приговор — пять лет. Это было равнозначно смерти, потому что так долго (!) на Соловках не выживали. А они еще заболели тифом. И их в трескучий северный мороз и никогда не стихавший морской ветер провели раздетыми из обычного барака в тифозный. Там просто оставили лежать — умирать. Но они —

*Анатолий Константинович
в 1970-е годы*

выжили. Благодаря именно этому морозу, как считают сами.

А потом случилось чудо. Родные и знакомые, оставшиеся на воле (тогда еще могли остаться на воле родные осужденного политического) стучали во все двери, в том числе и в Международный Красный Крест. За юных узников вступилась жена писателя Горького. И через два с половиной года их освободили. Но – не забыли.

Анатолий Константинович Скалдыцкий не погиб на Соловках. Его ждало другое испытание. Вернувшись в Ленинград, окончил школу, поступил в институт, женился. И однажды, на каком-то студенческом вечере, познакомился с дочерью маршала Тухачевского Светланой. Стал бывать в их доме. А потом... Сегодня все знают, что было потом. Тухачевского расстреляли. И прошлись катком по всем, кто хоть немного был с ним знаком, хоть раз в жизни общался. Анатолий Константинович рассказывал, что в то время в Питере ежедневно вывешивались списки арестованных и расстрелянных «врагов народа». И если после убийства Кирова арестовывали каждого третьего, то после процессов над Тухачевским и другими маршалами каждый третий – оставался на свободе. Друзья просили: «Уезжай! Ты же сидел, ты из знатной семьи, тебя уничтожат». Не уехал.

Дошла очередь и до Анатолия. Суда не было. Были пытки, нелепые обвинения в шпионаже в пользу сразу нескольких стран и приговор Особого Совещания – расстрел. Как, из каких глубин духа набрался он мужества и сил не согласиться с обвинениями, не запятнать свою честь ничего не значащим, как казалось большинству обреченных, росчерком пера? Как решился на продолжение «следствия» и пыток? Бог весть. Но приговор он не подписал. И его – не расстреляли.

Вероятно – это я понимаю уже теперь, когда обнародованы и эти факты советской действительности, – А.К. Скалдыцкий попал в счастливое стечение обстоятельств. Приговоры политическим выдавали по лимиту: то всем без разбору по пять лет, то по восемь, то вкатывали десятку, а то пошли расстрелы. И вот в самом конце этих поголовных расстрелов и отказался Анатолий подписать приговор. По закону – да, положено было считаться с несогласием приговоренного. Дело отдали на пересмотр. А тут как раз снова пошла полоса «десяток». И принесли ему на подпись новый приговор: десять лет. Десять лет лесоповала – десять лет каторги. Я думала, это только в царское время так называли подневольный труд. Но оказалось, и во время советское – тоже. Мы, школьники 1960–1970-х, об этом не слышали, не догадывались. А вышедшие оттуда – молчали. А кто не молчал, тех замолчать заставляли. Я сейчас читаю свои школьные дневниковые записки о встрече с советским каторжанином и не верю глазам: ведь в них – то же, что в книгах Солженицына, и даже слова, термины – те же. Только два эти человека в разных лагерях были, в разных концах огромного архипелага ГУЛАГа.

О лагерях своих и о десяти годах каторжного труда Анатолий Константинович рассказал мне потом, при следующей встрече. А в тот, первый раз нам удалось лишь немного растопить лед его души. По просьбе отца я стала декламировать стихи. В основном Евтушенко. И когда прочла главу «Большевик» из поэмы «Братская ГЭС» – о человеке, прошедшем лагерь, – потрясенный Анатолий Константинович встал и поцеловал мне руку.

Мы стали переписываться. Жил он в Донецке с женой; две его дочери, отучившись, остались в Ленинграде. А он

Такой я была в годы нашего знакомства

не смог вернуться в город, где остались его детство и юность. Может быть, я ошибаюсь, но мне хочется верить, что эта переписка скрасила последние годы жизни Анатолия Константиновича, а мне – это я знаю! – помогла укрепиться в моих убеждениях.

Письма его были немногословны и всегда полны неизбывной тоски и боли. *Лето, осень прошли, наступили пасмурные дни, и я опять один на один с самим собой. Зима и весна в Донецке очень плохие, будем жить и надеяться – на что??? И только в конце этих немногословных писем вместо обычных слов прощанья стояло греющее душу и одновременно обязывающее знать и помнить прошлое: Целую твою руку.*

Мечтой Анатолия Константиновича было съездить в Москву – «положить цветы на могилу великого святого Никиты Сергеевича Хрущева». Сегодня, когда мы знаем много неприглядного из жизни и деятельности этого руководителя нашего государства, такая оценка кажется странной, и уж во всяком случае преувеличенной. Но для миллионов реабилитированных узников и их семей это имя действительно стало святым. Мечту Анатолия Константиновича мы исполнили: поехали с мамой в Москву, нашли на Новодевичьем кладбище могилу Хрущева и положили цветы.

А через пару месяцев, в начале осени, отправились в Донецк.

Город встретил нас южным солнцем, черными горами терриконов и алым морем роз. Два дня мы с Анатолием Константиновичем ходили по улицам, сидели в скверах, и он говорил, говорил. Жена его не пустила нас на порог. Что ж, вряд ли можно ее винить. Люди, вернувшиеся *оттуда*, а она тоже отбыла свой срок, — это люди с искореженной психикой и изломанной жизнью. Таких, как Анатолий Константинович, — не сломавшихся, выживших не только физически, но и духовно, — единицы.

...Выдавая новый приговор «тройки» (ОСО), следователь усмехнулся: «Все равно сгниешь через три года». Он знал, что говорил. Но не знал, кто стоял перед ним.

А потом была каторга. Ровно десять лет. Утром дневную пайку получи — и работай. Лесоповал. Норма — три дерева в день на человека. Получалось с трудом одно. За это пайку хлеба ополовинивали. Но работать сверх сил, как делали некоторые, было нельзя: наклонись — падаешь, упадешь — уже не встанешь. Наконец упал и Анатолий. Не пристрелили — уже чудо! — отнесли в санитарный барак. Полтора месяца не мог встать, а потом — снова работа. Стране лес нужен! Прошла мимо них и кончилась война. Ждали амнистии. Но досрочно освобождали лишь бандитов, убийц, насильников. На освободившиеся места — эшелоны с победителями. Горькая шутка того времени: «До Берлина с боем — из-под Берлина под конвоем». Солдаты, офицеры, даже и генералы были — все на одно лицо, в шинелях без погон. Впрочем, нет, лица бывали разные. В пару с Анатолием поставили интеллигент-

«...Однажды отец повел меня к организатору (а может быть, и раввину) тайной синагоги: как ни странно, в этом доме было множество записей Высоцкого. Узнав, что я — православная (в то время я как раз начала ходить в храм), этот то ли раввин, то ли идейный вдохновитель курских евреев подарил мне старую деревянную икону Богородицы с Младенцем: на ней были прорисованы только лики и руки, а все остальное пространство — забито гвоздями: вероятно, с иконы сорвали драгоценный оклад... Но несмотря на неприглядный вид доски, лики на этой иконе были очень красивыми и даже трагическими. Это была первая моя икона, она и теперь со мной».

(Строки из «Дневника»)

ного человека лет шестидесяти «с петербургской внешностью». «Простите, с кем имею честь?» — спросил один проходящего другого. «Контр-адмирал Викторов». Вот так выражались тогдашние эзики: «имею честь». Всё отняли, всё рухнуло, но честь — осталась. А без нее и не выжить.

Но вот и последний день лагерного срока прошел. Утром распахнулась дверь: «На работу!». — «Не пойду! Я свободен». — «Ах ты свободен?! В БУР пойдешь!» (БУР — барак усиленного режима, попросту — карцер). — «Сажайте».

В БУРе он пробовал объявить голодовку, но — хоть голодай, хоть нет, а результат один. Утром пайка хлеба швыряется надзирателем на пол и дверь камеры захлопывается до следующего утра. Через несколько дней вынесли почти бездыханное тело. Он умирал от истощения и двустороннего воспаления легких. Его положили в санитарный барак, но уже не кормили: срок-то кончился, да и все равно не выживет. Он даже не приходил в сознание. Но его все-таки вылечили. Как, чем — неизвестно. Когда пришел в себя, спросил: «Кто лечил?». — «Главврач Кремлевской больницы». А еще через несколько дней Анатолия повезли по стране, по всем почти лагерям, а главврач тот остался отбывать срок. В каждом лагере нашивали на «особо опасного» Анатолия новый номер, «клеймо собачье», как он их называл. Уже и места не было — номера ставить.

Наконец в Караганде вызвали в комендатуру, сунули листок с очередным номером: «Иди! Свободен!». Свободен!!! Но опять-таки — не совсем. Вечное поселение в Караганде, каждые десять дней — отмечаться. «За выезд из Караганды — двадцать лет каторги». Ска-

зал начальник это — и катись. Ни одежды, ни копейки денег, ни жилья — одни казахи вокруг. А если кто русский — так только такой же страдалец, ссыльнопоселенец. На работу устроиться? — как бы не так! От «собачьего талончика», выданного в комендатуре, все шарахаются. Промотался так несколько дней, голодный, истерзанный. Ночевал все в той же комендатуре, а комендант-казах злится: «У меня не гостиница!». Но и тут — Господь не оставил. Совершенно чужая девушка, из таких же поселенцев, пожалела, дала 25 рублей (половину из того, что было у самой). С голоду не умер.

А вскоре и на работу устроился. Какую – даже не стал нам говорить, настолько была она неприглядной («Мерзкая», – сказал Анатолий Константинович.) Потом уж уволиться хотел – не отпустили: «Ты сначала замену себе найди!». Так и остался. И все время писал – в ЦК КПСС, в Министерство юстиции, даже в ООН! – требовал одного: суда. Только дальше карагандинского МГБ письма эти не доходили.

Но вот – 1953 год. Умер «отец народа»! Стране – горе. Не всей, впрочем, стране. Были, и немало, такие, как моя мама, понимавшие уже тогда, что Сталин – не отец, и даже не отчим, – палач, изувер, извращенец. Были и лагерные страдальцы, у которых с этой смертью появилась надежда на перемены. Смятение охватило даже непоколебимые ряды голубых погонов. Иначе как объяснить, что именно в это время одно из писем Анатолия Константиновича прорвалось в Москву. Вскоре его вызвали в местное отделение КГБ.

– Вы писали в ЦК?

– Да.

– Вот, вызов. В Ленинградский КГБ. Проезд бесплатный.

Встретили вежливо, дали номер люкс в гостинице, назвали забытым словом «товарищ». Три дня слушал его рассказ немолодой полковник, что-то записывал. А потом вдруг предложил: «Хотите с делом своим познакомиться?».

Громадная стопа с грифом «хранить вечно». По каким только пунктам

58 статьи он не обвинялся: «КРМ» (контрреволюционное мышление), «ИА» (идеи антисоветизма), «АА» (антисоветская агитация), «ЧС» (член семьи врага народа). Долго читать не смог. Дошел до обвинений в связи с немецким Генштабом – и бросил. Только фотокарточку – одну из нескольких – из дела попросил, и следователь отдал. Я держала ее в руках. Профиль. Очень худое, измученное, небритое лицо, естественно откинутое назад. Фотография пробита дыроколом в нескольких местах: «особо опасен».

Вернулся Анатолий в Караганду ждать окончания пересмотра дела. А там сюрприз: квартира трехкомнатная (это в советское-то время! – на одного!), работа престижная. «Мы знали, – говорят, – что ты хороший человек». Очень скоро и бумага пришла: реабилитирован. «За отсутствием состава преступления». И – разрешение вернуться в Ленинград.

Не поехал. Всё не то там. И не те. Петербурга, в котором родился и рос, нет. И друзей нет. И родных. Никого. Женился на такой же, как он, ссыльной-реабилитированной, она и устроила со временем переезд в Донецк.

Как жил после реабилитации Анатолий Константинович Скалдыцкий? Ночами – бессонница, пугал каждый скрип за окном, а в недолгом сне – горы трупов и лица следователей. Счастье, что родители воспитали его верующим. Без веры в Бога он бы не выжил.

В последние годы жизни

Хотя в Донецке, где он доживал жизнь, церкви не было. Писал в Московскую Патриархию с просьбой помочь приобрести Библию – ответили коротко: «По особому разрешению».

Слушать рассказ (очень сдержанный!) Анатолия Константиновича было тяжело, но еще тяжелее – прощаться и оставлять его одного в таком не похожем на Петербург городе, где он жил под одной крышей с совершенно чужим по духу человеком (жена оказалась атеисткой, преданной, несмотря ни на что, идеалам коммунизма). И все-таки мне кажется, что эта встреча, а потом – многолетняя переписка помогли не только мне в моем духовном становлении, но и ему – скрасить последний период его жизни.

...Больше мы не встретились. Я училась в университете, потом вышла замуж, стали рождаться дети... И вот 1 апреля 1987 года пришла телеграмма: Анатолия Константиновича не стало. Не смогла я поехать и на похороны, по тем же семейным обстоятельствам. Его жена выслала мне бандеролью мои письма и фотографии, которые он хранил все годы. Я благодарна ей.

Совсем немного не дожил Анатолий Константинович до времени, когда вновь стали открываться и строиться храмы и каждый человек смог купить в них Библию. Впрочем, ему это уже не важно. Я верю, что Господь упокоил его страдавшую душу в селениях праведных, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная.

В этом скиту на острове Анзер размещался тифозный барак

Имя вологодского писателя Владимира Кудрявцева помнят давние читатели «Лампады» (см. № 2 за 2011 год). Его стихи и рассказы вызвали тогда у многих теплый отклик. Мы в редакции надеялись на продолжение сотрудничества, но летом 2013 года Владимир отошел ко Господу, не дожив трех месяцев до 60 лет. В нынешнем октябре Владимиру Валентиновичу исполнилось бы 65.

Сегодня о замечательном поэте, журналисте и редакторе рассказывает его ученик и наш постоянный автор Дмитрий Шеваров, а также мы публикуем письма и стихи Владимира Кудрявцева, которые нам предложил автор из своего личного архива.

Дмитрий Шеваров

Рисунок Михаила Копьева

Шел по темной улице светлый человек

Володя родился 13 октября 1953 года в деревне Попово Костромской области – в самый канун праздника Покрова Богородицы, и в последние годы это обстоятельство заново открылось ему. Он вдруг остро ощутил на себе Покров Заступницы. Так первоклассник ранним утром чувствует на своей голове бережную материнскую ладонь, которая медлит разбудить его.

То, что для многих, увы, стало благочестивой абстракцией, почитаемым символом, для Володи было родным до спазма, до слез, до благоговейной немоты.

Рядом с Володей в вологодской «молодежке» прошли мои первые журналистские годы. Это было веселое и безумное время горбачевской перестройки, когда все спешили выкрикнуть свое и тихий провинциальный город каждый день сотрясали митинги, пикеты и голодовки. Редакцию осаждали самые отчаянные прожектеры и буяны, требуя публиковать их проекты глобального счастья и пламенные воззвания к народу. Володя, как редактор, выслушивал каждого, но сам не воспламенялся.

Редакционная молодежь зачитывалась столичными публицистами, мы рвались в бой, а Володя, закончивший интеллигентный ленинградский журфак, ненавязчиво подводил нас к мысли о том, что политикой жизнь не исчерпывается.

В феврале 1988 года он сказал мне после летучки: «На днях будет 150 лет как погиб Пушкин. Пойдем на бульвар и поспрашиваем людей, что они думают о Пушкине...». К несчастью, в этот момент в редакторский кабинет вломился очередной кандидат в народные депутаты с горящими глазами и ворохом

«Мне радостно жить, творить и готовить себя к вечной жизни...»

Из писем Владимира Кудрявцева
Дмитрию Шеварову

17 апреля 2011
Из Вологды – в Долгопрудный
Московской области

Дима, здравствуй!

Неделю назад выписался домой. Даже не верится. Нет, до конца еще я не выздоровел, но пребывание дома – это возвращение к жизни. Пока нахожусь под наблюдением врачей, но душа уже настроилась на Весну! Верю, что ее целительные и живительные токи прибавят сил и мне, и я снова почувствую в сердце буйство зелени, света и чувств. Так хочется жить и работать. Еще много чего надо успеть написать и по возможности опубликовать.

...Ты как будто предвидел, размещая мои стихи и рассказы в журнале «Лампада», что они пригодятся в марте 2011-го и поддержат меня в самые трудные минуты. Мы с Ирой решили выписать журнал и хотя бы таким образом поддержать вас и себя в стремлении к Истине. Мне в журнале было интересно все: и встречи с людьми мне известными (Алексей Варламов, Александр Иванович Шкурко, Савелий Ямщиков), и открытия, которые я через журнал сделал (художник Станислав Жуковский, самородок и подвижник Иван Бородин и др.).

Еще раз спасибо и за доброе слово, и за журналы. Это тоже лекарство, и сил оно прибавляет больше, чем какое-либо другое.

Сегодня Вербное воскресенье! С праздником! У нас на улице солнце. Свет тихий, густой и благостный! На душе радостно и светло. Через неделю Пасха! Для меня она нынче особая. Я тоже, побывав на границе того и этого мира, чудесно вернулся к жизни. Бог миловал меня и дал сил! Как я благодарен Ему, не оставившему меня.

Вот пока и все. Низко кланяюсь твоим домочадцам.

24 сентября 2011

...Когда пахнет сдобными пирогами, да еще с яблоками, то в доме в эти минуты для меня воцаряется какой-то особенный уют, будто осязаемый, зримый и такой желанный. Душой овладевает тихая радость, а в сердце щемит ощущение теплого домашнего счастья.

Дима, ты не поверишь, шел к компьютеру с желанием написать тебе письмо, открываю почту, а в ней письмо от тебя. Я тоже хотел поздравить вас с праздником.

Гуляя вечером по округе, и не покидало меня чувство светлого осеннего умиротворения и покоя. На небе серые тучи, на тротуарах желтые листья, а на душе неизреченная грусть. Удивительно возвышенное состояние! Жаль только, и оно не вечно, и оно тоже «гаснет», когда насладишься им и перегоришь...

петиций. Пришлось мне одному идти на Пушкинский бульвар. Незадолго до этого там поставили памятник Поэту. Почти сто лет бюст пролежал где-то в запасниках и вот вдруг нашелся. У этого памятника я и приставал к людям с вопросом о Пушкине. Был темный зимний вечер, очень холодно, народ спешил в тепло, но говорить о Пушкине никто не отказывался. Некоторые даже читали стихи.

Только сейчас я понимаю, как важен был для меня этот вечер, как замечательно, что Володя послал меня к Пушкину.

Тогда, в конце 1980-х, я не знал, что Володя пишет стихи и что поэзия, а не газета – главное в его жизни. Именно поэзия, а не суета наполняла его душу. Потому-то, когда все горячились и ломали копы, он молчал. И не угрюмо молчал, а светло, обнадеживая этим светом всех вокруг.

Сейчас люди как-то разучились внимать собеседнику, молча его слушать. Вокруг нас – бесконечное ток-шоу. Люди, даже находясь дома на кухне, вдруг начинают театрально махать руками и повышать голос так, словно они на переправе и хотят докричаться до лодочника на другом берегу Волги.

Как быстро мы потеряли это счастье – слушать и слышать друг друга.

Слушать не вертя в руках телефон или планшет, не досадуя внутренне на собеседника (мол, отрываешь драгоценное время), а сразу участвуя в нем и сердцем, и мыслью, и заботой.

Однажды у меня заболела дочка. Ей была всего неделя от роду, и мы с женой, как положено юным родителям, были в растерянности и панике. После бессонной ночи я пришел в редакцию, шаркая ногами, как старик. Не помню, что я сказал Володе и сказал ли вообще что-то, но помню, что из редакции я летел домой, не касаясь асфальта. В несколько минут Володя нашел нам детского доктора. Это была Ольга Владимировна Покровская. Внучка священника, педиатр от Бога, она еще много раз потом спасала нас.

Каждый, кто жил и работал рядом с Владимиром Валентиновичем, да и просто хоть раз-два с ним встречался, может рассказать свою историю о том, как Кудрявцев был той скорой помощью, которая всегда приезжала вовремя. Если эти истории собрать вместе, была бы прекрасная книга, наш последний ему поклон.

Сам он всегда успевал поклониться человеку, не откладывая добрые слова на поминание. Его любимыми словами было рубцовское: «За все добро распла-

тимся добром, за всю любовь расплатимся любовью...». Эти строки Володя написал мне и на своей книге «Письма в прошлое, настоящее и будущее». В ней он собрал сто сорок своих открытых писем, адресованных ста сорока вологжанам – от знаменитого писателя Василия Белова до телятницы Лидии Рычковой. Открытые письма обычно содержат протесты, а у Володи это были письма-поклоны, письма – признания в любви, которые он публиковал на первой странице каждого номера созданного им журнала.

...Приезжая в Вологду, всегда прихожу во двор редакции, где мы работали. Володя – редактором, я – корреспондентом. Там ничего не изменилось. Только давно нет самой редакции. Уже выросло поколение вологжан, которые и не помнят, что была такая газета – «Вологодский комсомолец». Газета, где со времен Николая Рубцова (он работал литературным консультантом) стихи печатались в каждом номере.

Когда минувшим летом я бродил по Вологде, мне все вспоминалась одна строчка из стихов Володи: «Хочу туда, где пристань облаков...».

Мы уезжаем, уходим, улетаем, а облака остаются зимовать у вологодской пристани.

24 декабря 2011

...Близится к завершению еще один год нашей земной жизни, а с возрастом каждый год дается все труднее, но тем он, наверно, и дороже. И какими бы событиями – светлыми или трагическими, радостными или печальными – он ни был для каждого из нас отмечен, будем благодарны судьбе за то, что год уходящий мы провожаем в здравии и здравии. Пусть и в Новом году судьба к нам будет благосклонна и одарит нас неизреченным светом мудрости, чтобы и впредь мы в жизни всё встречали «со спокойной душой и с твердым убеждением, что на все воля Божья».

С Рождеством Христовым!

Согласись, что самое трепетное, желанное и томительное в жизни – это ожидание веселого праздника и вера в добрую сказку со счастливым концом. Будем же и мы в эти дни наивными, как дети, будем такими же искренними, как они, и тогда будничный мир, серый и холодный, сразу расцветет и заиграет красками, а в сердце вселится надежда...

24 февраля 2012

...Я люблю метели. Помню, как в детстве наш деревенский дом заметало по самую крышу... Люблю это зимнее время, время борения зимы с весной, ветхого с новым, незлобного борения, будто обрядового, когда чувствуешь, что ломается не просто погода, а вершится великий перелом в жизни и природе. Он происходит и во мне, я чувствую его, и во мне тоже начинается весенний отсчет земного времени. Я даже ощущаю, как с каждым днем в душе прибывает свету...

Вот и опять за окошком встает серый день. И опять всю ночь в окна ломился ветер! Как хорошо с вечера под его завывания было уснуть, так и вспоминалось детство, изба и теплая дедова рука под головой.

21 октября 2012

Спасибо за поздравление. Нынешний день рождения – повод для раздумий о жизни уже прожитой и о той, какую еще прожить предстоит. На будущий год уже 60 лет! На душе предвечный свет, в голове просветленные думы о благословенной старости, за плечами короткая, но насыщенная событиями жизнь грешного мирянина, в которой было больше суеты, чем заложенного в ней смысла.

Теперь понимаешь, что жизнь находится между двумя великими тайнами: тайной нашего появления и тайной исчезновения. Небытие после смерти то же, что и небытие до рождения.

Думая о возрасте, часто обращаюсь к словам протоиерея Александра Шмемана, который, встречая свой юбилей, писал: *Как незаметно для меня наступила моя старость... Завтра – шестьдесят лет! А это, как ни верти, – старость. Чувствую ли я себя «стариком»? Нет, не чувствую. Чувствую ли, что мне шестьдесят лет? Да, чувствую. Но это совсем не то же самое. Ощутимее стало время: его хрупкость, его драгоценность. Ощутимее стала жизнь – как дар. И, конечно, ощутил-мея стала смерть, моя смерть, смерть как вопрос, как экзамен, как своего рода зов.*

Через год я, даст Бог, повторю его слова, относя их и к самому себе.

ВЛАДИМИР
КУДРЯВЦЕВ

ВЕНЦЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМА

*Дорогой Дима
и его семье Натане
от автора
с уважением и благодарностью
за годы совместной работы.
«Те все годы раскрывалась душа,
Те все годы раскрывались»
Михайлов
(Н. Рудков)*

19.06.93
КИФ «Вестник»
Вологда
1992

Кудрявцевы: Ира и Володя. 9 мая 2010

Здесь, в деревне Попово, Володя родился

Всегда удивлялся, как же мудра природа. Она постепенно готовит нас к философскому восприятию жизни, в том числе и в ее неизбежной старости. Бодриться перед сверстниками, вступив в ее свободное и по-своему радостное пространство, смешно и глупо. Думать, что ты еще полезен и нужен обществу, значит обманывать самого себя так же, как обманывает тебя государство с его днем пожилых людей. Теперь на это всё я смотрю не изнутри, а извне и моя бывшая жизнь становится для меня объектом созерцания.

То, что вчера ощущал как долг, как ответственность, то, что воспринимал как смысл всей жизни, вдруг отошло на второй план. И я впервые почувствовал себя как бы над будничной суетой, над муравьиным мельтешением, над пустотой и тщетностью развлечений – словом, над всем тем, на что, бесплодно раздвояясь, уходила моя единственная жизнь.

Еще рано говорить, что и небом невозбранно дышит почти свободная душа (В. Ходасевич). Нет, еще не небом, но главное – уже не суетой, в которую слепо погружена человеческая жизнь. Я не пугаюсь старости и впрямь иногда будто ощущаю своего рода прикосновение ее «блаженности».

Если кому мы сейчас и нужны, то разве нашим детям и внукам. Дети, правда, извлекают из нас только пользу для себя. Это и понятно. Жизнь-то у них, как посмотришь, не легче нашей, наоборот – беспокойней, нервной и непредсказуемей. Хотя и обставлена она вроде плодами прогресса, о которых мы и мечтать не могли, а вот внукам, пусть еще и неосознанно, мы действительно нужны, как, впрочем, и они нам. Мы для них – люди загадочные, добрые, любящие и надежные.

Скажу более, им нужна наша свобода, нужна таинственная красота старости, даже через нас идущий отсвет «лучей оттуда», из того мира, им тоже нужен, как необходимо и невидимое им умирание нашего душевного тела и восстановление в нем духовных начал. Особенно сегодня, когда в обезумевшем мире человек начинает терять и утрачивать в себе образ Божий.

И в заключение, сошлюсь еще на одного уважаемого мною философа – протоиерея Сергея Булгакова: *Нельзя смотреть на оставшуюся жизнь как «прочее время живота», которое надо кой-как дожить, но надо дожить достойно, в мире и покаянии. И надвигающаяся или уже надвинувшаяся старость таит в себе свои драгоценные возможности, она есть или может быть увенчанием жизни. Тот, кто достиг старости, освобожден ею от страстей плоти, он, оставаясь в теле, чужд его страстей; он опытом долгой жизни постиг то, что необходимо было ему в юности, и близость к Богу, которая дается стоянием у земного порога, придает особую свежесть его духу. Старость в Боге есть самое драгоценное достояние человечества, духовный его отстой, чистая влага...*

Люди боятся старости, не хотят ее, но нужно любить старость, хотеть ее, как свободы в Боге. Обновится, яко орля, юность моя, и старость есть эта обновляющаяся в Боге вечная юность духа...

Извини за длинное письмо, но таково оно сегодня – состояние моей души. Мне радостно жить, творить и готовить себя к вечной жизни, в которую я верю и потихоньку к ней готовлюсь.

«Это светлый дар от Бога добрым жителям Земли»

Из поэтического дневника, который Владимир Кудрявцев вел в 2012 году. Отдельной книгой – «365» – дневник вышел в Вологде только что.

20 июля

Хочу туда, где пристань облаков,
Где в перелесках дух грибной крепчает,
Где плещутся разливы иван-чая
Под неусыпным взглядом васильков.

Хочу в делянку, к светлому ручью,
Туда, где стог метал вокруг стожара.
Да мало ли еще чего хочу,
Слоняясь по разбитым тротуарам...

19 октября

Цвета мягкой фольги золотистой
Гаснет в облачной дымке закат.
Не созревшие летом, зарницы
За чертой горизонта искрят.

Как таинственен час предвечерья.
Тьма укроет и птиц, и зверье.
Кто-то душу в ней губит весельем,
Кто-то ищет спасенья ее...

13 октября

Родная слякоть беспросветных дней,
Но и она душе моей во благо.
И кажется, до родовых корней
Дождь землю напитал целебной влагой.
В мой день рожденья зелена трава!
В такой же час дождя и бездорожья

Простерла накануне Покрова
Свой омофор над зыбкой Матерью Божья...

1 ноября

Пруд замерз, осиротел без уток.
Блудный ветер резок и колюч.
Синь небес букетом незабудок
Утром промелькнула между туч.
Отбродили корни бражным соком
И уснули в черной глубине.
В эту пору сердцу одиноко
Даже на родимой стороне...

4 ноября

Еще не зима и не осень уже.
Но выбора нет у природы.

Сошлись повидаться на старой меже
Два родственных времени года.
Из тех я рождением – из смутных веков,
И верю, за час до распятия
Над Русью спасительный вскинет Покров
Казанская Божия Матерь.

8 ноября

Пробилось солнце ярким оком,
Озолотило грязь дорог.
Старушки замерли у окон –
Красивый выдался денек.
А головы в тяжелой думе,
Еловый лапник у ворот.
Вчера старик последний умер,
Кого Бог завтра приберет?..

ИЗ «ВОЛОГОДСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

Кудрявцев Владимир Валентинович (13.10.1953–28.06.2013) окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Работал редактором газеты «Вологодский комсомолец». В 1988–1990 годах учился в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС на кафедре средств массовой информации. С 1990 по 2001 год – начальник департамента культуры Вологодской области. Разработал и реализовал первую в России целевую программу, направленную на сохранение и возрождение традиционной народной культуры. Созданные Владимиром Кудрявцевым центры традиционной народной культуры и сегодня работают во всех районах Вологодской области. С 2003 по 2006 год редактировал журнал «Пятницкий бульвар» (Вологодский край: история и современность). Был одним из руководителей областного семинара молодых литераторов. Автор многих книг стихов и прозы, сценарист и режиссер документальных фильмов о Николае Рубцове, Валерии Гаврилине, Василии Белове.

24 декабря 2012

...Знал бы ты, как я люблю эти тихие предновогодние вечера, когда в небе, как в устье истопленной печки, шевелятся разноцветные, кочергой размельченные, угольки и лежит в их жарком пекле раскаленный добела ясный месяц, похожий на елочную игрушку.

В такие дни я часто гуляю по деревенским улицам нашей городской окраины моего любимого околотка, где еще живы крепкие избы с уютными дворами. Здесь и собаки не злые, а лают только для острастки, здесь и деревья – тополя, березы и осины – вековые и с кронами на полнеба, сквозь которые просвечивают иссиня-зеленые небеса. Здесь и люди живут добрые, без камня за пазухой, и уклад их жизни еще хранит крестьянскую закваску, душевное тепло и искреннюю любовь к людям и миру.

Вот и сегодня бродил по знакомым улицам, переулкам и тупикам, глядел на небо, как в черную бездонную прорубь, любовался звездами, отраженными в ней, ощущал себя центром необозримого и таинственного мироздания, слышал душой и ледяное дыхание Вселенной, и щедрый хруст праздничного снега.

Я останавливался под березами, серебряными от бархатного инея, и вдыхал запахи аппетитных дымок, текущих из печных труб по белым крышам. Я ловил зимние мелодии остекленевшей до звона тишины, отзывался на мирный скрип гостеприимных калиток, на вкрадчивый треск промерзших венцов, на едва слышимое дрожанье кружевных стекол в узорчатых рамах, на скрежет колодезной цепи и плеск воды из переполненных ведер.

В такие сказочные вечера каждый звук мне в радость, каждое мгновение наполняется смыслом, каждое проявление жизни желанно, любимо и свято. В такие минуты я возвышаюсь

над обиденной суетой и погружаюсь в сокровенное пространство Судьбы и Веры.

Так хочется, чтобы и в сердцах своих мы ощутили ту беспредельную глубину, в которой есть все: *и пиришественные горницы, и опочивальни, и двери, и преддверия, и рабочая хранина дел правды и неправды; и смерть есть там и жизнь* (Макарий Египетский).

Удивительное состояние души, когда вдруг оказываешься у порога Нового года. Тогда и время, прожитое в году уходящем, и время, которое предстоит прожить в будущем, воспринимаешь уже как великий и бесценный дар Божий.

С таким настроением – светлым и добрым, красивым и высоким – я встречаю и очередной год земной жизни, такого же настроения желаю и всем моим друзьям, и тебе, дорогой Дима, твоим родным и близким.

Пусть оно поддерживает тебя в праздники и в будни, не оставляет в минуты радости и печали.

*Сад окутан розовой пылью.
От берез льняного цвета тени.
И мороз, присевши на крыльцо,
Девушек хватает за колени...*

*Так легко и звонко на душе,
В ней поет и плачет дар Валдая.
Мы еще, как в детстве, погадаем
О судьбе, свершившейся уже.*

Я пока в силе. Работаю с вдохновением. Живу с радостью, чего и тебе желаю.

Путь

Фрагмент автобиографического романа

Пожалуй, не вспомню, когда конкретно, при каких обстоятельствах, но я вдруг ощутил в себе как бы биение второго пульса. Словно во мне появилась дополнительная система жизнеобеспечения, которая снижала, а то и сводила на нет различные риски. Речь не о физическом состоянии, да такое и вряд ли возможно. У меня изменилось состояние духовное, если более конкретно – отношение к происходящему внутри и вокруг. Появилось это исподволь, не очень заявляя о себе, почему я и сказал: пожалуй, не вспомню... Иногда всё вообще было как всегда: и психовал, и раздражался, и приходил в уныние. Но когда оно появлялось, это «биение второго пульса», в душе поселялось такое умиротворение...

Я много думал над природой своих новых ощущений. Сопоставлял и анализировал события, пытался найти причинно-следственные связи. Не могу сказать, что преуспел. Все думалось: обнаружу нечто значительное, поворотное, от чего и пошел новый отсчет. Но ничего, увы, не обнаруживалось. Пока однажды... Нет, «однажды» тоже ничего не произошло. Просто возникла мысль: не нужно искать или ждать чего-то экстраординарного. Может быть, стоит посмотреть на свою жизнь под таким углом: что появилось в ней нового, с чем я не сталкивался прежде? Ответ, как ни странно, пришел сразу: этим новым была Церковь. Но я не мог сказать, что тем самым получил ответ и на другие, более, как мне казалось, важные вопросы.

Да, уже была церковная жизнь. Однако назвать ее активной никак не мог. Марина ходила в храм охотно, правда, не регулярно, я – куда реже. Понятно, уже был крещен и я. Однако никаких перемен внутри себя не ощутил: крестился – и крестился. Службы переносил с усилием. Старался прийти впритык и, по возможности, не задерживаться: жалел время. Откуда взяться переменам?

Может быть, начало воцерковления дало импульс чему-то еще, а я да

и Марина просто не зафиксировали это в памяти, не поняли, что к чему и что от чего? Наша жизнь – и личная и окружающая – была так насыщена, ее переполняли такие события и эмоции, что хотя бы вместить, а уж чтобы разобраться... Бог и Церковь пока еще существовали как бы в параллельной реальности, они еще не стали средой, в частности, моего обитания. И все же не отметить перемены было невозможно.

Иные носили характер почти анекдотический. Например, домашняя библиотека. Марина любила читать, но к книгам как к виду собственности относилась спокойно. В отличие от меня. Если у меня брали *на почет* какую-нибудь особенно дорогую мне книгу, я начинал испытывать беспокойство, как пес, ожидающий хозяина у дверей магазина. Вот такая сидела во мне бяка. Остается добавить, что не дорогих мне книг в моей библиотеке не было.

Неудивительно, что и наша церковная жизнь началась с книг. Конкретно – с «Писем Баламута» Клайва Стейплза Льюиса. Ее вручил нам наш духовник, отец П., при знакомстве. Эта маленькая книжица – инструкции старого беса своему племяннику Гнусу, как отвращать от веры христиан, – сыграла в нашей жизни огромную роль. Она, по сути, стала для нас визитной карточкой нашего духовного отца, а через него – дверью в мир веры. Конец 80-х – начало 90-х – время, когда открылись все шлюзы и на нас хлынул поток литературы, о которой мы ничего не знали или знали искаженно. Мы упивались именами – Бердяев, Лосский, Федотов, Ильин, Трубецкой, братья Киреевские, Розанов, Соловьев... Они ласкали наш слух, как когда-то имена Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Чехова... И все это можно было свободно купить, и не надо было занимать с ночи очередь в книжный магазин, как когда-то на Камчатке за Маяковским.

Поскольку эти книги должны были быть постоянно под рукой, мы не хоте-

ли ставить их на полки. Да там и места не было, всё занято давно и прочно. Очень скоро стало ясно: или книги, или мы. Помню, как-то я скользил взглядом по полкам, где обосновались аборигены: с закрытыми глазами я мог сказать, где что стоит, помнил историю чуть ли не каждой покупки. И вдруг словно что-то кольнуло, словно кто-то спросил: «Когда ты последний раз снимал с полки вон того Булгакова?». В самом деле, когда? Оказалось, вот этого-то я и не помню. Потом я спросил себя сам, буду ли перечитывать, допустим, Диккенса. И честно ответил: «Никогда». То же сказал об Ильфе и Петрове, о Тургеневе, далее по списку. Сейчас, когда мы стояли на пороге нашей новой, неизведанной и таинственной жизни, отдавать время тому, что уже прожито и пережито, – бездарно. Как говорит Христос? «...Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царства Божия».

И случилось чудо. Вся моя светская библиотека вмиг утратила для меня ценность. Однажды со мной уже было нечто подобное. Во Владивостоке я увлекся собиранием зажигалок (сам в ту пору курил). Откуда их мне только не везли! Коллекция сложилась неслабая и стоила неплохих денег. А в Москве нас так прихватило... Кажется, не было знакомого, кому мы не были бы должны. И вот точно так, как сейчас на книги, я глянул на предмет своих вожделений и подумал: «По уши в долгах, парням нечего носить, а я над златом чахну». И – как отрубил: без тени сожаления я продал свое сокровище Иосифу Кобзону. Хорошо продал.

В том, как я лихо расправился с домашней библиотекой, содержался, конечно, и некий неопитский экстремизм. Можно было не быть столь категоричным: ведь я вымел все подчистую (оставил только всего Пушкина в одном томе). Сюжеты с книгами и зажигалками внешне похожи, но мотивы разные, хотя важны даже не они. Ты вдруг переключаешься на иную шкалу ценностей, вступает в действие другая

система мер. Как же опять не вспомнить Христа! «...Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет».

Наше движение в новую жизнь происходило одновременно внешне, то есть видимым образом, и внутренне, когда окружающим вроде бы ничего не заметно, а в нас шевелится какая-то работа. Тот же сюжет с книгами. Были полки, забитые знакомыми корешками, и вдруг – нá тебе! – ничего общего с тем, к чему глаз привык. Неизвестные названия, мало кому что говорящие имена... Смена декораций? Нет, смена драматургии.

Сменялись не только книги. Сменялись люди, стародавние друзья, с которыми, казалось, мы раз и навсегда. Это был вообще ни на что не похожий процесс. И самое удивительное: он проходил медленно, исподволь и, как ни покажется странным, – безболезненно для всех. Так опадают с дерева или куста отжившие свое листья, а вместо них появляются новые побеги – сначала почкой, потом листом, затем ветвью. Так происходило со многими из наших друзей: им с нами, как и нам с ними, становилось неинтересно: одним – скучно, другим – непонятно. И тихо отчаливали, разве что поначалу позванивая друг другу, а потом и вовсе куда-то запроторив номер телефона.

Они оставались в той, прежней жизни – мы вступали в новую. Только и всего. Вроде ничего особенного. Если бы не одна деталь: теперь нам было с чем сравнивать. К сожалению, никто из прежних за нами не пошел. Не смог? Не захотел? Честно говоря, было не до психоанализа. Нам бы с собой разобраться... Погружение в веру, наверное, можно сравнить с тем, что испытывает человек, опускаясь на большую глубину. Разница в том, что глубина воздействует на физиологию; погружение в веру – на психику. И то и другое достаточно серьезное испытание. И там и там нужно быть очень аккуратным и осторожным. Новые друзья, которые пришли в нашу жизнь вместе с отцом П., стали для нас своего рода духовной барокамерой. Их присутствие поддерживало в равновесии давление окружающего мира с давлением внутренним, духовным, которое росло по мере нашего возрастания.

Это был непростой этап жизни. Трудность добавляло еще и то, что лично, например, мое соприкосновение с храмом как с реальным церковным институтом шло с большими шероховатостями. Как же мне приходилось преодолевать себя...

Теперь – иное. Теперь я приходил в храм, как правило, до начала службы, когда еще мало или почти нет людей, горят только лампадки под образами, вокруг тишина и мягкий полумрак. И тогда так спокойно, так умиротворенно на душе, и всё, что тревожило и не давало покоя, осталось за порогом, и буквально спиной чувствуешь: ты – защищен. Я облюбовал себе уголок справа от храмовой иконы, он почти всегда отгорожен запасным аналоем, так что образуется как бы крохотная келья, и теперь уже все знают, чье это место, и не претендуют на него, разве что случайные захожане-новички. Но пройдут го-о-оды, прежде чем я обрету это состояние.

Соответственно, и перед посещением храма мои ощущения в разные периоды жизни были различными. Сейчас это – предвкушение чего-то очень хорошего. Совсем как в детстве: ложись спать накануне дня рождения или другого праздника и знаешь, что завтра к тебе придет радость. Какая именно – не знаешь, но, может быть, неизвестность и есть самое дорогое в этом ожидании. То, что испытываю я перед посещением храма, сродни этому чувству. Пусть я знаю, что там будет – полунощница, утренняя или литургия, знаю, чем будут наполнены эти службы, но ощущение, о котором я говорил, все равно есть. Я бы назвал его теплым ожиданием.

Но так, повторюсь, было совсем-совсем не всегда! Этому состоянию предшествовало спокойное смирение перед неизбежным. Я принимал как данность субботние исповеди и воскресные причащения, посещения церковных праздников (но не всех, не всех!), если выдавались – паломнические поездки. Но всё принималось спокойно, без напряжения, но и без особого энтузиазма. И совсем уж раньше – ох, не один год – сплошная борьба с собой или с кем-то еще, кто сидел внутри меня. Сколько же лет прошло,

прежде чем я смог сказать о себе, что стал хоть чуть-чуть церковным человеком!

А с крещением вообще все получилось необыкновенно. Чуть-чуть не случилось в 90-м, когда отдыхали с Мариной в Форосе. Почти договорились с настоятелем храма, что на Красной скале, молоденьким отцом Петром, впоследствии трагически погибшим, однако – не случилось. И вдруг, как всегда неожиданно, проклюнулся Гавриил Макаров. Теперь они с Тоней жили в Москве, он преподавал русский в духовной академии при Троице-Сергиевой лавре. Оказалось, Гаврюша не только крещен еще в детстве, но по-настоящему церковен. Тут уж деваться было некуда, да и я, в общем, не возражал. И 8 ноября 1990 года в храме святителя Николая в Кузнецких протоиерей Валентин Асмус совершил таинство Крещения над рабом Божиим Павлом, о чем была сделана запись в специальном свидетельстве. Не для того ли в 1960 году на Сахалине я познакомился и подружился с Гавриилом Макаровым, чтобы через тридцать лет он, уже восприемником, принял меня из крестильной купели?

Если бы меня тогда спросили: как это – жить церковной жизнью, я просто не нашелся бы, что ответить. Я совершенно не был к ней готов. В то время неременная ныне катехизация – подготовка желающих принять таинство Крещения, так называемых оглашенных, то есть обучение их азам религиозной жизни, – проводилась в редких храмах. Причина проста: люди массово пошли к вере, а священников – следствие советской поры – было катастрофически мало. В конце 80-х годов в Церкви насчитывалось чуть больше шести с половиной тысяч священников и семьсот с небольшим диаконов на почти семь тысяч храмов. Батюшки буквально разрывались, кормя по несколько приходов. А сколько их, возвращенных Церкви бывших домов культуры (еще не худший вариант), чаще – психиатрических лечебниц, туберкулезных больниц, спецприемников, десятилетиями не ремонтируемых, приходящих в упадок... И каждый немедленно нуждался в восстановлении, и у

каждого должен был быть настоятель, он же по совместительству прораб и добытчик денег, стройматериалов и рабочей силы. Рукополагали молодых, которые сами еще нуждались в основательной подготовке, но, как говорится, особо выбирать было не из чего. Вот и считали себя главными наставниками «белые платочки» – бабули, выстоявшие коммунистическое лихо. По их представлениям, главное – знать, чего в церкви делать нельзя. А представления эти были, надо сказать, весьма индивидуальные и разнообразны. Например, нельзя размещать в лампаде пику с фитильком так, чтобы она была направлена острием к лику святого, – только параллельно плоскости иконной доски, нельзя давать милостыню после причащения, потому что отдаешь вместе с ней благодать, да мало ли... Но попробовали бы вы сказать, что это абсурд. Обидно, а порой и небезопасно.

Вообще-то, «белые платочки» – это отдельная страница жизни Русской Православной Церкви. И очень важная страница. Не будь их, этих стойких, верных, молчаливых и малозаметных женщин, возрождение православной жизни наверняка потекло бы по несколько иному руслу. Не стоит загадывать и тем более оценивать по какому, но бесспорно: во многом благодаря «белым платочкам» удалось сохранить связь времен, которую большевики пытались разорвать все годы своего существования. Так стоит ли корить иных из этих бабулек за то, что они излишне преувеличивали свою мессианскую роль?

Посещая церковь, я тоже столкнулся со множеством «нельзя» и «не положено». Я еще был очень далек от того, чтобы непременно ходить в храм по воскресеньям и по праздникам и каждодневно читать дома утренние и вечерние молитвы. А еще перед едой и после. Если говорить честно, то ничего, кроме дополнительных обременений, даже гомеопатическое приобщение к вере мне пока не принесло. Полноте, а было ли оно вообще – приобщение? Если говорить еще честнее, – не было и его. Кто-то посоветовал почитать Феофана Затворника – «Духовная жизнь и как на нее настро-

иться», – но с разочарованием отложил: трудный язык и неубедительно. Во всяком случае, так я воспринял. А ведь название обещало ответить на многие вопросы.

Разумеется, никакого духовного ликбеза в отчете дома я получить не мог. С родителями всё ясно: граждане Страны Советов – что тут добавить? Отца, правда, в детстве крестили, еще в Махачкале, он даже пел в церковном хоре, но когда это?.. Его родители, те были подлинно православными людьми, но, как известно, с новой семьей сына не знали именно по причине своей религиозности.

Разве что мама-бабушка... Еще до ареста, помнилось, она несколько раз брала меня с собой в церковь – огромную, сияющую золотом, в огнях свечей и лампад, и это было для меня как в театре – красиво, торжественно, только непонятно. А потом, когда ее взорвали, я возбужденно рассказывал уже своей маме: «Представляешь, Нигярчик?! Ее взрывают, а она стоит! Взрывают, а она стоит! Мы так и не дождались, ушли...». (Позже я выясню: это был самый большой в городе, Александроневский, собор, построенный на деньги императора Александра III и на пожертвования бакинцев, в том числе 100 тысяч рублей от мусульман.)

Еще вспомнилось: и в Одессе, и на Камчатке бабушка никогда серьезно не работала по воскресеньям – не шила, не стирала, не гладила; только самое необходимое по дому, и то неохотно. Я не понимал этого упорства и порой даже обижался: трудно подутьюжить рубашку? Однако она не уступала даже любимому внуку.

И еще вспомнились две маленького формата тонкие книжечки. Пожелтевшая, ломкая от времени бумага, мягкая обложка, неровные по краям страницы скреплены нитками... Одна называлась «Евангелие от Матфея», другая – «Псалтирь». Я имел представление о том, что это такое, и этого знания тогда было вполне достаточно. Бабушка привезла их с собой из лагеря (а может, перед арестом захватила еще из дома), но каким-то чудом они сохранились все эти годы – не отобрали при обысках, не залило водой, не спалило огнем, а в АЛЖИРе случались и

пожары, да просто не украли из вредности. Я помнил, как на Камчатке она, читая, водила пальцем по строчкам и губы шевелились, неслышно повторяя слова. Считать ли всё это моей начальной духовной школой? Как знать...

Но что-то все-таки произошло. Я почувствовал, что теперь, надев на шею крестик с изображением распятого Христа, я уже не смогу оставаться таким, каким был всегда. Откуда пришло это ощущение? Я помнил несколько этапных событий в своей жизни: детство – вступление в пионеры, юность – комсомол, взрослым – партия. По какой-то причине, сейчас уже не сказать, меня приняли в юные ленинцы не сразу. Было обидно до слез. Едва ли не то же случилось с комсомолом: хотели завернуть в райком. Кажется, на что-то там не ответил. Ну а с партией вообще тот еще сюжет: только-только вступил – и сразу чуть не исключили.

Ладно тогда. Вроде бы понятно: так воспитывали с детства, идеология мертво держала за грудки каждого и вся Система была выстроена так, что выпасть из нее – все равно что не жить. Я – выпал. Добровольно. После событий в Вильнюсе, когда Система направила танки на республиканский телецентр только за то, что Литва захотела жить по-своему, написал заявление о выходе из КПСС. Но крест на груди – это не партбилет в кармане, и его надевают не для того, чтобы потом снять. Я это ощущал всем своим существом, хотя объяснить не мог. Тогда я еще не знал слов Христа о плуге и руке и о том, кто неблагонадежен для Царства Небесного.

Например, носить крест, то есть быть верующим человеком, и нести свой крест, то есть смиренно принимать свою жизнь такой, какова она есть, – возможно ли одно без другого? Тожественны ли эти понятия? Пройдет не один год, я выпущу уже не один десяток номеров православного журнала «Лампада», прежде чем почувствую уверенность, что теперь могу задавать вопросы не только себе, но и другим. С темой «Без креста нет Христа?» я и пришел тогда к богослову и выдающемуся композитору Владимиру Мартынову.

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно
на нашем сайте **lampada-press.ru**

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Напоминаем тем, кто предпочитает гарантированно получать «Лампаду» домой, а не покупать ее в церковной лавке: подписаться на журнал можно с любого месяца, но только через редакцию.

Схема прежняя: деньги на телефон
8 (963) 962-5575 и НЕПРЕМЕННО СМС
с фамилией и подробным адресом подписчика.

Подписка проводится на добровольные пожертвования, то есть цена не фиксированная.

ПРИЧИНА: журнал приносит убытки (около 100 рублей на каждом экземпляре). Поднимать цену не хотим. Заплатите, сколько сможете. Благодарим.

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
св. мц. Татианы при МГУ

Воскресения Словущего на Успенском Вражке

Воскресения Христова в Сокольниках

Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия

Иверской иконы Божией Матери на Всполье

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами

Новоспаский ставропигиальный мужской монастырь

прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском

Троицы Живоначальной в Хорошеве

Троицы Живоначальной в Хохлах

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском

Вражке

царевича Димитрия при Голицынской больнице

Троицы Живоначальной в Останкине

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной

апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
свт. Климента, папы Римского

Успения Божией Матери в Казачьей слободе

Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья

Новомучеников и исповедников Российских в Строгине

Всех святых во Всехсвятском

Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье

Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)

Преображения Господня в Тушине

Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине

Прп. Сергия Радонежского в Бусинове

Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье

прп. Алексия, человека Божия в Крылатском

Богоявленский кафедральный собор в Елохове

Казанской иконы Божией Матери в Коломенском

Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь

Донской ставропигиальный мужской монастырь

Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве

св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»

Воскресения Христова в Кадашах

свт. Иннокентия, митр.

Московского в Бескудникове

прп. Сергия Радонежского

в Крапивниках

ISSN 2225-0271

9 772225 027100